

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ

2019

СТИХИ

Псков – 2020

ББК 84(2Рос=Рус)6

С 48

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
Вита Пшеничная
Игорь Исаевъ
Андрей Бениаминов

Оформление Андрея Бениаминова

«Словенское поле – 2019» : стихи – Псков, 2020. – 144 с.

Сборник избранных произведений участников поэтического фестиваля «Словенское поле – 2019», прошедшего 26–28 июля 2019 года в Изборске и Пскове.

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Всякое коммерческое использование текстов сборника – полностью или частично – возможно исключительно с разрешения авторов. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами РФ.

ISBN 978-5-94542-355-8

- © Авторы произведений
- © А. Бениаминов, составление, оформление
- © Псковское региональное отделение Союза писателей России

ПРЕДИСЛОВИЕ

Год от года все пышнее расцветает Фестиваль исторической поэзии «Словенское поле», впитывая в себя красоту и величие Русского бытия. Да и может ли быть иначе здесь, на благословенной Псковской земле, в Старом Изборске – месте, завораживающем благодатной силой Русской истории, которая растворена тут в пении каждой птахи, в журчании словенских ключей, в стуке каждого камня, в шорохе всякого листочка. Но, безусловно, ярче, громче, убедительнее – в каждой поэтической строке нашего фестиваля, звучащей под этим вечным Русским небом...

Замечательно, что становится доброй традицией проводить церемонию открытия фестиваля у холма Славы России, под сенью святого креста. Не здесь ли, не на этих ли полях русские воины отбрасывали наседающего врага, одерживали славные победы? Что восклицали они? «С нами крестная сила, слава, Господи, кресту Твоему честному!» Есть ли защита более сильная для христианина, нежели крест? Нет.

Застыли подле Святого Креста высокие гости фестиваля – председатель Правления Союза писателей России Николай Иванов, поэты Николай Беседин, Вадим Терехин; построжали лицами организаторы фестиваля Андрей Бениаминов, Вита Пшеничная, Игорь Исаев, склонили головы в молчании все участники и гости, пока звучат над холмом Славы, летят над окрестными полями слова приветствия:

«Пусть же с нами на всякое время пребудет крестная сила, оберегающая нас, исполняющая мудростью и вдохновением! В добрый путь, Фестиваль!»

В добрый путь! И спасибо всем, кто, призываемый гласом поэтических фанфар, приезжал сюда в минувшие годы, тем, кто прибыл нынче, в 2019 году, и придет в будущем. Уверен, ваши стихи навечно будут вписаны в скрижали истории Древнего Изборска, в летопись Русской поэзии.

**Председатель правления
Псковского регионального отделения
Союза писателей России
Игорь Смолькин**

ПРОВИНЦИЯ

1

Провинция. Вот город над водой,
который мне запомнится надолго
хотя бы тем, что сущей ерундой
шесть лет из чувства голода и долга
я был тут занят. Кем я не служил –
писал статьи, мошенничал, учил,
командовал бессмысленным парадом
поклонников бумаги и чернил.
И город стал родным, привычным адом.

2

Провинция, где Господа гневлю –
другой сказал бы: «Где светло и чисто», –
и я тебя по своему люблю
любовью бескорыстной мазохиста.
Люблю тебя: леса, поля, сады.
Я не знаток слащавой красоты,
иное на меня нашло управу.
И потому подобные труды
оставим нашим дедушкам в забаву.

3

Провинция. У городской черты
гостей встречает всем знакомый парень.
Как много утекло речной воды –
все знает металлический Гагарин.
Он здесь бывал ещё как человек,
который поразил двадцатый век
собой и чистотой эксперимента,
когда взлетел космический ковчег.
И вот остался в виде монумента.

4

Провинция. Удельные князьки
из зала удалиться просят нервных.
Торгуются вершки и корешки,
и торг идёт, конечно, в пользу первых,
успевших бойко выйти на поклон
к Нему – отцу народов и времён,
а посему исполненных восторга.
Но время обнажит со всех сторон
бессмысленность и бесполезность торгоа.

5

Провинция, не гневайся тому,
что твой правитель – супостат неробкий
тебя недооценит по уму –
крамольной сути черепной коробки.
Ему, что по лбу, что в бетонный лоб.
Ему, что – Хиросима, что – Потоп.
Он думает, что властен над судьбою.
Но музыки цветной калейдоскоп
всегда, всегда останется с тобою.

6

Провинция. Вот повод для письма
какому-нибудь избранному другу
о беспросветном горе от ума,
способном потрясти собой Калугу.
Но как-то недосуг: дела, враги.
я тоже тут встаю не с той ноги,
готовой преступить через границу
губернии, лежащей вдоль реки.
И пялюсь на коварную столицу.

7

Провинция. Тому причина есть,
что я ещё не укатил из дома.
Высокой оказаться может честь
стать жертвою родного чернозёма –
не требовать признания и благ,
собой кормить навешанных собак.
Покуда дух горит в презренном теле,
о всех своих соседях думать так,
как редко получается на деле.

8

Провинция. Она ещё жива,
хотя и платит дань аукциону.
И бдит первопрестольная Москва,
и строит круговую оборону,
и держится коммерческим дельцом,
но мы – не клеветую, не свинцом –
долготерпеньем и талантом нашим,
работами и Золотым кольцом
её пределы всё же опояшем.

9

Провинция. У каждого ларька,
(а винным оказаться может каждый),
валяют спозаранку дурака
подвижники, сжигаемые жаждой.
И чтоб с потусторонним быть на ты
им надо только огненной воды.
И понесётся: вурдалаки, черти,
поддержат на все темы и лады
душевный разговор ларька и смерти.

10

Провинция. Ещё тещу в ответ
на происки истерзанного слуха
поверить, что он истинный поэт,
поможет сердобольная старуха.
Не потому, что силой мастерства
он заслужил законные права,
на поприще поднаторев изрядно.
Ей просто очень нравятся слова,
написанные сумрачно, но складно.

11

Провинция. Традиции земли
хранят не только ветхие старушки –
праправнучки прелестной Натали.
Не даром Александр Сергеич Пушкин
частил сюда. А он-то был эстет.
Вот и теперь, спустя две сотни лет,
наследнику рифмованного слова
подарит взгляд и застит белый свет
какая-нибудь Лена Ковалёва.

12

Провинция. Не пестую мечту,
что я при первом призрачном знакомстве
без всяких околичностей найду
читателя в компьютерном потомстве.
Но, может, не сочтя за тяжкий труд,
праправнучки забавою найдут
настроить ЭВМ, но с первой цифры
случится сбой, и тихо потекут,
вдруг потекут размеренные рифмы.

* * *

Я люблю ту великую, грешную,
Ту, ушедшую в вечность страну,
И за веру её сумасшедшую,
И за праведную вину.
Не просила у мира, не кланялась,
Берегла свою честь испокон.
И прости её, Боже, что каялась
Не у тех, к сожаленью, икон.
Было всё упоенье победами,
Были разными годы и дни,
Но над всеми смертями и бедами
Было что-то, что небу сродни.
И когда-нибудь праздные гости
Спросят новых вселенских святых:
– Что за звёзды горят на погосте?
И услышат:
– Молитесь о них.

ЦВЕТЫ НА СКАЛЕ

Моя земля, как летопись событий.
Вглубь проходя за слоем новый слой,
Найдёшь снаряд, по горло в землю вбитый,
Заросший мохом и разрыв-травой.
Потом картечь и маузер разбитый,
Что был отмечен не одной бедой,
И глубже чуть, омытые водой,
Панелей окровавленные плиты.
А там, где глыбы глины и песка,
Найдёшь кривую саблю Кончака
И жемчуга, как слёзы Ярославны.
И мы пройдем – цветами на скале.
Но пусть наш след останется в земле
Там, где закат в росе качали травы.

СТОЯНИЕ НА УГРЕ

Утром долго метался блуждающий свет
В переливах реки и разливе тумана.
От росы тяжелел, холодел горчицвет,
В позолоте укрыв стародавние раны.
На Руси, как и прежде, поют соловьи.
Дикий хмель оплетает прибрежные лозы.
Раздарила весна все наряды свои,
Отцвела, отпотешилась в ветреных грозах.
Перед памятью русской в извечном долгу
Вызревает печаль над лугами в туманах,
И рождаются тени на том берегу
В малахаях и стрелами в жёлтых колчанах.
И доносится тихое ржанье коней,
И гортанные, резкие, чуждые звуки.
Тени грозно колыхнутся, тыщи теней,
Может быть, до Москвы, может быть, до Калуги.
Прозвучал колокольный призыв вдалеке
И умолк.
Русь, как в сон, погружается в небыль.
Никого. Только мальчик стоит на песке
Возле самой воды, отражающей небо.

* * *

Этот миг,
Этот сладостный миг,
Пробежавшая в небе строка
От младенца, исторгшего крик,
До застывших очей старика.
Все прости и о всех помолись.
В этот мир мы приходим любить.
И восславь всей душой своей жизнь,
Как бы ни было горестно жить.

* * *

От любви милосердных подачек
Улететь, уползти бы туда,
Где причалы верны по-собачьи
Кораблям, что ушли навсегда.
Положив, как на лапы, на сваи
Свои грустные, мокрые лбы,
Смотрят в море они, ожидая,
Ничего не прося у судьбы.
И когда шум винтов донесётся,
Мне покажется, словно я сплю,
Что не море о морды их трётся,
А причалы ползут к кораблю.

* * *

А. Бологову

Поверишь ли,
        опять шумят ветра,
Пропитанные солью океана,
И провода, как будто леера,
И шляпа, словно кепер капитана.
Поверишь ли,
        я слышу и сейчас
Гул дизелей, идущих на пределе,
И тот последний боевой приказ:
– Так и держать!
А мы держать умели.
Сейчас зима. На Северном опять
Гремят шторма, на взлёте леденя.
Они зовут. И зова не унять,
Как голоса воскресшей Лорелеи.
И на вокзал случайно забредя,
Я становлюсь как будто бы моложе.
Поверишь ли,
        мелодия дождя
Сейчас, наверно, мне всего дороже.
Его неторопливый плеск вдали,
Как будто ял отчалил от причала
Туда, где ожидают корабли,
Где нашу юность палуба качала.

* * *

Деревня больна тишиной,
Ни стука, ни скрипа, ни голоса.
Нелепость заблудшего колоса
На поле, заросшем травой.
Колодца обрушенный сруб
Безмолвен, как древний могильник,
Паук, этот вечный прядильщик,
Вершит заколдованный круг.
Иду – и не слышу шагов,
Дышу – и не чую дыханье.
Меня поглощает молчанье
Умолкнувших здесь голосов.
Кот бросился прочь напролом,
Отвык от людей бедолага.
Обрывки российского флага
Уныло висят над крыльцом.
Полы под ногами скрипят.
Кровать, шифонер, занавеска,..
Два снимка, как древние фрески,
С печальным укором глядят:
– Простите!
Безмолвны глаза,
Лишь сном золотым истекают.
Они нас, наверно, прощают,
Не зря так светлы небеса.
И мертвые избы не зря
Среди тишины и бурьяна
Не зря под окошком тюльпаны,
Как скорбные свечи горят.
И воздух пронизан грозой,
Которая где-то таится,
Не зря будет то, что случится
На русской земле горевой.

ПОЛЕ ЖИЗНИ МОЕЙ

Не озарением – нравственным выбором
Станешь однажды ты, поле под Выборгом,
Поле за Троицком, поле печорское,
Поле рязанское, тульское, орское.
Поле в ухабинах, поле несжатое,
Поле, подбитое снежной ватой,
Поле, залитое кровью рассветною,
Поле с ромашками – детское, летнее,
Русское море росистое, пряное,
Поле как сердце, в терпенье упрямое...
Поле – полон городской разрешившее,
Поле с печальным эпитетом «бывшее».
Поле, тебя перейду я когда-нибудь
В жар августовский, в январскую замать ли,
Стану у края, такая обычная...
Вдруг мне платочком махнёт земляничина –
В колкой стерне или в снеге протаявшем!
Или в глазу оказалась ресничина?
Или я в сонном блуждании давешнем?
Так и стою, и не чую обочины...
Сок земляничный, сомнения кончены.
Август, и облака белое сочиво.

РИО-РИТА

Зацветает заячья капуста,
Спорит с ветром белый первоцвет.
Сил у здешних бабушек негусто,
А дедов давно на свете нет.

Нынче за раздатчицу – Танюша,
Завтра в смену – Клава-каланча.
Нынче не спеши, спокойно кушай,
Не ругнут в столовой сгоряча.

Здесь добавки – редко кто попросит,
Но мечтать над кашей здоровы
Марь Иванна, Капа, тётя Зося –
Три пансионерки, три вдовы.

Русская, хохлушка и еврейка –
Три соседки, словно до-ре-ми,
Три листа иссохших, серых шейки,
Боль войны хлебнувшие детьми.

У одной отец пропал под Клином.
У другой – закрыл бойца в обстрел.
Третий – в синем небе над Берлином
Чёрной свечкой, падая, сгорел.

В День Победы – торт, кино, тюльпаны.
На ночь – корвалол и капотен.
Слёзы хохотушки Марь Ивановны...
Три кровати с тумбами у стен.

Каждый день – один огромный праздник.
Разговоры близкими полны...
– Правнук тёти Зоси – вот проказник!
– Только б им не выпало войны...

На троих у корпуса скамейка.
– Надо жить, девчата, хоть умри!
Русская, хохлушка и еврейка.
Звуки довоенной «Рио-Ри...»

МОЙ ПЕТЕРБУРГ

Мой Петербург – властитель в треуголке,
Герой, отступник, мученик, поэт...
Рассыпался, как льдина на осколки,
Но не растаял твой имперский след.

Есть в строгой геометрии строений
Внезапный всплеск бунтующей волны,
Решёток парков медленные тени
Живых страстей умерить не вольны.

Не каземат, не бастион, не карцер –
Лишь золото, и свет, и бирюза...
Не давит грудь Невы холодный панцирь
И смотрят в небо вещие глаза.

Вскипать волнам, и набежавшей тучи
Пронзать подбрюшье лезвиею креста!
А я приму как милость каждый случай
Твою судьбу за днями дни листать...

Там, в глубине, где скромная ограда
Нетленное сокровище хранит,
Стучит и плачет сердце Ленинграда
И каплет воск на дедовский гранит.

**БЕСЕДКА БАРЯТИНСКОГО
В ГУНИБЕ 1859Г.**

Вот здесь Барятинский сидел,
Курил ореховую трубку,
И дым, похожий на голубку,
Летел в неведомый предел.

Глаголили, кто как умел,
И понимали, как умели,
И я на камень тот присел,
Он камнем был на самом деле.

Пред ним с мюридами Шамиль
Стоял, как демон покоренный,
Прозрачной водки, воздух горный
Раздвинул над Кавказом ширь.

Судьба имама решена.
Почетный плен. Калуга. Мекка...
Смотрю из бешеного века
В тот век, где родилась война.

Не пересохла Валерик,
Доносятся слова молитвы...
Остались древние обиды,
И долгий, долгий вдовый крик.

По склонам гор течет эфир
Прозрачной голубой лавиной,
Над Родиной необозримой
Из дыма ткется хрупкий мир.

ПЕРМСКИЕ БОГИ

Сошлись деревянные боги
В музее. И встали кружком.
Пришли они с Камы и Волги,
Пришли, как пехота пешком.

Рубежная Русь замутила
Уральским туземцам глаза.
Ковшом солеварниц смочила
Калёные стрелы слеза.

Не ждут деревянные боги,
Что им, как в лесах Перуну,
Притащат лосиные ноги
И кровью измажут губу.

Хотя угро-финские лица
Подправил крестьянский топор.
Хотелось к Руси прислониться,
Крестом, раздвигая простор.

Пока деревянные боги
Дремали, храпя за версту...
Гвоздём деревянные ноги
И руки прибили к кресту.

Сошлись они в пермском музее,
И впредь никуда не идут.
Ручьями текут ротозей
И пальцы под гвозди суют.

«Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов»...
А мы возвратили гражданство!
Вернули из праха веков!

Пускай благодарные дети
В музейный торопятся храм.
Отводят грядущие беды,
Припав к деревянным стопам.

КОГДА МЫ ВОЗВРАТИМСЯ В КРЫМ

Когда мы возвратимся в Крым,
То станет явью сон России.
Отдали Крым – нас не спросили,
Сейчас решать пришлось самим.

От крика: «Русские идут!»
Бандеровцев охрипнет свора.
Бог даст, в Крыму мы будем скоро.
Здесь наши флешы, наш редут!

Весна в Крыму. Огонь и дым,
И Балаклавы бормотанье...
Нас Пушкин вновь обложит данью,
Когда мы возвратимся в Крым

Вновь станем рифмами бряцать.
В снах героических купаться.
Глаголы пчёлами роятся,
Впиваясь строчками в тетрадь.

Я этим летом въеду в Крым
Верхом, как бородатый сотник?
Нет! Въеду, как стихов работник
Вслед за светилом золотым.

Когда мы возвратимся в Крым,
Лицо умоем в Русском Море.
Белеет парус на просторе
Россия с именем твоим.

ноябрь 2013

* * *

Ближнюю границу
Заняли враги.
Бьют о твердь гранита
Наши сапоги.

С выкладкой по-русски, –
Скатка наискось,
Дождик петербургский
Режет вкривь и врозь.

Серый мрак вокзала,
Ужин без вина.
Прежний мир взорвала
Сербская война.

Светлый взгляд по-детски,
Сбоку пистолет.
Мальчики-гвардейцы
В двадцать с чем-то лет.

Путь дорогой узкой
В дикий край лесной,
Вдоль болот мазурских
Чёрной полосой.

Там их и зарюют –
Никого не жди.
Путь назад закрюют
Сизые дожди.

Полковое знамя,
Трубачи – вперёд!
Ничего не зная,
Армия идёт.

В мир живых мишеней,
Под снарядный вой,
В грязные траншеи
Первой мировой.

ЗАБЫТЫЙ ПОДВИГ

Такой войны Земля ещё не знала –
Ни реки – море крови на фронтах.
Поля боёв усеяны металлом,
Баллоны с едким газом ждут атак.

С блицкригом граф фон Шлиффен просчитался,
Идея «двух фронтов» трещит по швам.
В окопах пехотинец оказался,
Чтоб «кровным братом» стать тифозным вшам.

На западе наметилось затишье,
Немецкий штык направлен на восток –
Не удалось «позавтракать в Париже»,
В России пообедать ганс готов.

Но преградила крепость путь германцам,
Что на реке Бобры возведена.
Уверен враг – у россиян нет шансов,
И через пару дней падёт она.

Ошибся немец – больше полугодом
Держался осаждённый Осовец!
Не одолели русского народа
Ни хлорный газ, ни пушки, ни свинец.

На штурм бросают тысячи ландверов –
Победа долгожданная близка,
Но встали за Отечество и Веру
Пехотные Землянского полка.

Шли на врага из пекла шесть десятков
Кровоточащих язвами бойцов –
Бежал германец, лишь сверкали пятки...
Страшна была «атакой мертвецов»!

ВСТРЕЧА В МИХАЙЛОВСКОМ

Ссылка. Вечная тоска.
Снег да снег – почти по крыши.
Свет не яркий камелька,
Пламя еле-еле дышит.

Дружба кончилась. Любовь
Даже и не начиналась. Бог?!
Да полно, есть ли Бог?
Человек – такая малость.

Псков, зачумлено пустой,
Равнодушен к славе древней.
Сказки вольности святой
В нищей северной деревне.

О заснеженной стране
Что расскажешь государю...
Колокольчик прозвенел,
Словно колокол ударил!

На крыльцо, в чем был, бегом!
Видит, сани показались...
«Здравствуй, Пушкин, дорогой!»
«Здравствуй, Пущин...» ... И обнялись...

Вчера наскучил нам с тобой
Весь мир в известной плоскости –
Своей заманчивой судьбой,
Невероятной легкостью.

* * *

Привыкли к строчкам облаков
И привыкаем к выстрелам.
Все так заманчиво легко,
Как храм на даче выстроить.

И кто я в общем-то такой,
Что в этом мире делаю?
Творю разбитою губой
Молитву неумелую.

И сколько спилось нас таких –
Не знавших, не умеющих...
Пилось обычно на троих,
Хоть и закуски те еще.

Капусты тающая горсть
И огурцы помятые...
А жизнь все время метит в кость
И в негодяи сватает.

Но как бы ни было легко
Упасть на этой лестнице,
Пусть и трясущейся рукой,
Нет-нет, и перекрестимся.

* * *

Слезы были напрасно пролиты
И прописаны на стекле.
36 на моем термометре,
36 полновесных лет.

Это время бездарно пройдено,
Половина – навеселе.
Я не пью уже, мама-Родина.
Бесполезно у нас сие.

Предержащим похлеще насморка
Наше право на жизнь и труд.
Из провинции, полупаспортный,
Даже в грузчики не берут!

За копейкой идешь юродивым,
Здесь придавят, а там убьют...
Я люблю тебя, мама-Родина.
Сам не знаю, за что люблю.

* * *

Молотом по наковальне –
звон пошел,
Где-то за заставой дальней
хорошо...
Спят поля, и дремлет хата,
меркнет свет.
– Хорошо лишь там, ребята,
где нас нет.

От вопросов до ответов
длинный путь,
Но опять холодный ветер
студит грудь,
Дым да гарь с востока гонит –
не до сна.
В пене конь и ранен конник –
знать война.

Там за дальнею заставой,
у межи,
В вязкой лужице кровавой
брат лежит.
Половецкою стрелою
сбит с коня –
Значит нынче ветер воет
про меня.

Молотом по наковальне –
будет меч.
Время на заставе дальней
в землю лечь...

Я УШЁЛ...

Я ушел от раздоров и склок,
От фальшивых страстей и обид,
И опять лихолетье дорог
Моет пылью мои сапоги.

Я ушел, видно вышел мой срок,
Вновь по миру иду налегке:
Деревенского сала кусок,
Да горбушка в заплечном мешке.

Пусть шипят за моею спиной,
Мол, не выдержал, сдался, слабак...
Я сегодня богат тишиной,
А не лаем дворовых собак.

И на пыльном кленовом листе
Напишу пару строк, пару фраз,
О любви, и о вечной мечте:
Стать счастливым хотя бы на час.

ОПАВШИЕ ЛИТЬСЯ ЭПОХИ

Опавшие листья эпохи –
Почётные грамоты дедов,
где Ленин и Сталин как боги,
иконы для новых заветов.

Ударник, рабочий, колхозник,
забой, трудодень, пятилетка...
Лик времени потен и грозен,
и с пятнами крови нередко.

За всё вам воздалось бумагой,
фамилии вписаны ровно.
С усердьем в труде и отвагой
рубили вы уголь и брёвна;

меси́ли бетон, паровозы
водили вы к новым рекордам.
И мелочь житейских вопросов
порой отвергали вы гордо.

Опавшие листья эпохи –
Почётные грамоты дедов –
страны потерявшейся крохи,
остатки глобальных обедов.

За что же вы, деды, боролись?
Вас предали, ссучившись, дети;
и с долларом – новым паролем –
немногим, но многое светит.

Беспамятства камень не брошу
в спину всё вынесших дедов.
Я помню – и впредь осторожен
с восторгами новых обетов.

* * *

Я подвержен обычным порокам:
целованью отвергнутых жён,
сигаретой отмеренным срокам
я не верю. И пью самогон.

К смерти я отношусь несерьёзно:
в русских весях – отпетый буддист;
словно в кроне родимой берёзы
закачался вдруг пальмовый лист.

Что вы, мама? меня не корите.
Заунывное пение мантр,
как Давида враньё на иврите,
тот же отдых души и ума.

Мне простят православные предки
бритый череп и жёлтый халат;
предки сами собрали объедки
со стола иудейских ребят.

Ой, Перуне, Ярило и Макошь,
вас на пенсию с треском ушли!
Не забыли поставить, однако,
там, где капи, церковей корабли.

Я ведь тоже искал Беловодье
от Амура до Псковских болот.
Знал людей, но знавал и отродье,
совершая свой жизневорот.

Под судьбой, под звездой или богом
тени будд в свой назначенный час
растворятся в небесных чертогах,
призывая туда же и нас.

Но, когда надоеет изученье
жизни, смерти, любви и окрест,
всё равно – без мученья, с мученьем –
лягу в землю под русский я крест.

ВРЕМЯ МОЛИТЬСЯ

На пыльных путях в предыдущей стране
С душой, заключённой как джин в стеклотаре,
Спасала не вера, а песня, и мне
Пришлось научиться играть на гитаре.

Но вот отгудели свершений ветра.
Забвеньё сравняло долины и горы.
Рассеялись хоры. Гитара стара.
Нестройно и глухо звучат переборы.

И держит в плену электронная сеть.
И чудится: в жилах не кровь, а водица.
И надо молиться уже, а не петь.
И мне на гитаре пора разучиться.

ИЗ ЗАЛА СТРАШНОГО СУДА

Тем

Вечно тянется Божий суд.
И людской не спешит весьма.
На былое не донесут
Индибирка и Колыма.

Бесконечна тюрьма равнин.
И деревья-то не растут.
И во всём один на один.
И охранники тут как тут.

Смерть привязана к сим местам,
Нерадиво несёт свой крест, –
Так иль иначе, будут там:
Не цинга, так болото съест.

И лежат безымянно те –
Только с номером на груди.
В узких ящиках в мерзлоте.
Осторожнее тут ходи.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Святая София как белая птица парит,
Расправила крылья над солнечной гладью реки.
У Полоцка нынче какой-то иной колорит:
Слетелись поэты прочесть и послушать стихи.

Вальяжным бульваром пройдемся вдвоём у Двины –
Блаженно тенисты каштанов резные верхи,
На белых скамейках студенты смартфону верны,
На тёмных аллеях поэты читают стихи.

Загадочный город – Европы законная ось,
Значения центростремительных сил велики.
И всеми ветрами сюда занесённые врозь,
Поэты с утра и до ночи читают стихи.

Но стоя в ночной тишине у ограды моста,
Услышишь: уже возникают иные стихи,
Растут, норовя прозвучать наизусть и с листа, –
Как тот одуванчик, как те резеда, лопухи...

НИЩИЕ

Камни и буераки.
Дождь моросит с утра.
Нищие и собаки
Вместе вокруг костра.

Их обойду, пожалуй,
Посох держа в руке.
Булькает что-то в ржавом
Стареньком котелке.

Я им пока не нужен,
Я им – что нет, что есть.
Ждут, что послал на ужин
Отче Небесный днесь.

Дай Ты им хлеба, Отче,
Тёплый подвал, где спят,
Дай им в осенней роще
Ягоды и опять!

Дай городским помойкам,
Свалкам – не оскудеть,
Чтоб на прохожих волком
Бешеным не глядеть!

Скоро засвищет вьюга,
Сядет у котелка –
Дай не резать друга:
Шарика ли, Пушка!..

Нищим, бомжам и ворам,
Пьющим из русских луж,
Гибнущим под забором,
Но не сгубившим душ:

Крови не проливавшим
Финкой и кистенём, –
Отче, воздай как павшим
Воинам под огнём!

РОССИЯ, РУСЬ...

Россия, Русь, ты столько погубила
И до меня, и на моих глазах –
Трепещет моё сердце, как рябина,
Взрастая на крови и на слезах.

Здесь так опасно русским называться,
В метель и бурю стоя посреди
Чернобыльских бескрайних резерваций
И Беловежской воющей беды.

Как трудно здесь Добрыне и Микуле:
Чуть что не так Ивану–дураку –
Двух «с» твоих
Безжалостные пули
Свистят и точкой ставятся в строку!

В твоих Торжках, Венёвах и Белёвах
Живём всегда мы – как перед грозой...
Но всё же ум твой задний
Гумилёвых
Поймёт, оплавав позднюю слезой!

И лишь за то одно, что на поминках
Рыдаешь ты солдатскою вдовой,
Мы будем смысл искать в твоих суглинках
И красить кровью снег передовой...

ПРОВОД

Может быть, и мелок повод:
Но мне чудится, когда,
Переламывая провод,
Гнут его туда-сюда –

Это гнут
Не провод хрупкий, –
Это водят взад-вперёд
Наш народ несчастный русский,
Наш доверчивый народ...

В ОЖИДАНИИ ГЕРОЯ

Юные нуждаются в кумирах.
С детства у читателей в чести
фэнтези, где немощных и сирых
сильные стараются спасти.

Маясь от назойливого стука
дождика ночного у крыльца,
вместо сказки лучше перечту-ка
записи покойного отца...

Скромному курсанту лётной школы,
лишь по сводкам знавшему врага,
в сорок третьем славный и тяжёлый
выпал жребий – Курская дуга.

Полк их, силу вражью перевесив,
стал подобен мстящему клинку.
Где судьбу испытывал Маресьев?
В этом истребительном полку!

Сдюжил, свыкся с болью от протезов...
Накрепко запомнил мой отец
то, как, тройку «Фокке-Вульф» срезав,
ас пошёл снижаться наконец.

До аэродрома незадолго
кончился бензин, и верный «Ла-
пятаый» на одном лишь чувстве долга
долетел! Судьба не подвела.

И качали лётчики пилота
за его отвагу и талант.
И гордился этим отчего-то
мой отец, механик-практикант...

Персонажи сказочные круты,
я за добрый вымысел – горой,
но зовёт на подвиги не дутый,
не воображаемый герой.

РОДОВАЯ ПАМЯТЬ

Если странник из края, что холодом скован,
направляется в край раскалённых песков,
по пути непременно заедет во Псков он.
Впрочем, имя покамест у града – Плесковь.

И покамест починкой – отнюдь не ремонтом
называет народ поновление стен,
у которых завещано князем Довмонтом
не склонять ни пред кем, кроме Бога, колен.

Но крепчает Москва: среднерусские земли
под орлиные крылья уже собрала
и на Северо-Запад косится: приемли,
господарство Псковское, защиту орла!

Князь великий Василий, преемник Ивана,
на последнее вече призвал псковичей,
и, в посулах его не почуяв обмана,
те склонились пред ним – под угрозой мечей.

Ну а князь не сдержал уговора, ударив
по живому людей, не чинивших злодейств:
увезли на Москву, под пригляд государев,
триста самых влиятельных здешних семейств.

И отметил хронист: «Разлучения ради
бысть во Пскове и плач, и великая скорбь».
А взамен выселенцев осели во граде
князьи слуги – надменные, с ними не спорь!

Нрав истории крут, и не надо истерик.
С толкованьями прошлого как ни чудесь,
над рекою Великою вписано в берег,
что Россия – читай! – начинается здесь.

Протираю очки полинялой бархоткой.
Различаю обозы в январской ночи...
Пять столетий прошло, но поныне с охоткой,
как на родину, едут во Псков москвичи.

МЕМОРИАЛ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ В ЛОНДОНЕ

На площади Ватерлоо, в квартале от Пикадилли, девушка из Подмосковья, заядлая англоманка, спросила себя – на русском, естественно, языке: «Погибшие англичане – зачем они приходили с оружием в Крым российский? Какая же лихоманка подвигла их биться насмерть от родины вдалеке?»

А в паре кварталов к югу от статуй «героев» Крыма («герои» пишу в кавычках, имея на то резоны), в Вестминстере, близ Биг-Бена, стоит монумент иной. Там кельтская королева на бой с легионом Рима зовёт племена британцев – не ради своей короны, но чтобы смести пришельцев с ладоней земли родной.

Святыни свои – у разных народов, держав, конфессий; кто их осквернит, заслужит прозвание святотатца; кто памятники оспорит, доспорится до войны. Но трудно понять девушкам из русских градов и весей, как может мирская слава с бесславием сочетаться в пределах одной и той же довольной собой страны.

«НА БЕРЛИН!»

Из всех известнейших былин
В одной сплетаются все беды.
Снаряд, летящий «На Берлин!»
Для приближения победы.

Всего лишь пара слов простых,
Написанных рукою детской,
Не для медалей золотых –
Для мира Родины Советской.

Писал смертельные слова
Мальчишка с раненым запястьем.
Окончил пятый класс едва,
Как вдоволь он хлебнул несчастья.

Погибла мать, потом отец,
Бомбёжкой дом его разрушен,
А он совсем ещё юнец,
Но никому уже не нужен.

Он научился воевать
И знать всегда маршрут снаряда,
Врагу с лихвою отдавать,
Хоть был он младший из отряда.

Не зная сладкого он сна,
Вперёд идущий шаг за шагом,
Он видел, как цвела весна,
И вилось знамя над Рейхстагом.

У глаз полно уже морщин,
И стал он очень старым дедом.
Снаряд – он помнит, – «На Берлин!»,
Приблизивший тогда победу.

ОТРЕЧЕНИЕ

Горек вокзальный дым
В лиловой лампаде Пскова.
Был наречен Вторым,
Кровавым помазан словом.

Треснул весенний лед
Филипповской булки краем.
Пять кружевных сирот –
У врат вокзального рая...

Горьким своим святым
Птицы поют обедню.
Был наречен Вторым,
Только верней – последним...

В лужах спит серебро,
У Крома – плач колокольный.
Не дрогнет в пальцах перо,
Падать наверх – не больно.

1937

Лунное утро, морозная поступь,
Тайная летопись крыш.
Глупые стрелки крадутся на ощупь.
Друг, отчего ты молчишь?

Скоро проснутся твои палачи.
Прихотью брошенной кости,
Тихо, под спудом не спрятав свечи,
Примешь звериного гостя.

Этому гостю – поди, не открой,
Всадник кобыле под стать.
«Дети мои на постели со мной» –
Вряд ли успеешь сказать.

Теплые корни Адамова древа
Выдраны клоком волос.
Снова забудешь, где право, где лево
В мертвой воронке колес.

Если бы бросить все утра земли
В эту двулунную пасть,
Может, немые ее короли
Сдали бы темную власть?

Выгнулись судьбы и души нелепым
Черным кошачьим хребтом...
Может, иного дождемся рассвета,
Но не сегодня. Потом.

ДАЛЕКИЙ ОКТЯБРЬ

Далекий октябрь, по-летнему теплый.
Под Крымским томится река.
Метут по бульварам поганые мётлы
Следы золотого песка.

Ползут по Арбату жуки-БТРы,
На Пресне – снаряды и дым.
Без слёз помянув кумачовую эру,
Наш город проснулся седым.

Умолкли беззубые шутки и песни –
Плетет паутину экран.
А белая крепость на темени Пресни
От смрадных кончается ран.

Мы, кажется, вечно-слепые потомки
Октябрьской темной зари!
На Пресне – снаряды, а мама, негромко:
«Давайте сушить сухари...»

Осыпалась медью усталая осень.
На Пресне – кутья и блины...
Как долго, как тяжело мы в памяти носим
Те дни на исходе страны.

12 ПЕХОТНАЯ

здесь приезжие и охотники
и туристы из-за кордона
но двенадцатая пехотная
в этом поле навеки дома
меж семеновским и курганною
свищут ядра плюют мушкеты
над пехотными капитанами
над солдатами над корнетами
над редутами над полянами
киверами и эполетами
золотыми и оловянными
град картечи сплошной завесой
а потом тишина и к полночи
только поле с посадкой плотной
наших мертвых
почти что полностью
спит двенадцатая пехотная

ВОРКСЛА

как прежде на синих водах
так ныне на речке ворксле
орут кочевые орды
да стрелы свистят над станом
и бьется литовский витовт
как прежде литовский ольгерд
но сладостный вкус победы
оказывается обманом
а прежде на речке пьяне
а прежде на речке воже
рубили секли кололи
топили орду в протоках
но ныне на речке ворксле
ухмылки на сальных рожгах
спаслись только хан да витовт

да чертов тевтонский орден
бегут они в город киев
а следом тяжелой тучей
ногайские кони следом
телеги везут убитых
а в пскове по князю плачут
в смоленске по князю плачут
скорбит православный полоцк
глаза опускает витовт

КАТЫНСКИЙ ЛЕС

казалось бы так недавно
последняя лента вайды
про лес от которого сводит
челюсти до слез
снег валит на дно окопов
вмерзают каски миски
в культурный слой эпохи
губная гармошка врет
ах пане над закопане
летит одинокий лыжник
брусчатка под снегом скользкая
как наша жизнь
а губы дрожат от холода
когда ты с ноги сбиваешься
похожая на аиста
и черной кляксой вниз
в те листья где осень лисья
и в прорези веток лица
мертвых и льдом пупырчатый схваченная земля
и странно так
время лепится как ласточка к стенке мазанки
а елка колючей лапочкой
цепляется за тебя

ВИРШЕЛОВКА

*«...Карьера не талант и не знание...
...Посылаю тебе «Черного человека».
Прочти и подумай...»
С. Есенин, письмо П. Чагину, 27.11.1925 г.*

Две чёрные птицы,
Сидящие рядом на белом снегу, –
Нехитрая графика зимнего сжатого поля.
И новой страницы
Коснется следами проворный бегун,
Лишь только, утихнув, прыжки бездорожья позволят.

Тогда, может статься,
Придет понимание магии схем,
Того, как обильно кумирами разум засеян,
Как дедов, за старцем
Великим, под занавес тянет к сохе,
Что наши отцы растронжирили жизнь как Есенин.

Что дело не вкуса,
А ловкости рук, и сметливости роль –
Движенье вверх – восходящий поток улови ты.
Что делает муза
Смертельными кофе и твой алкоголь,
А музы поэтов причудливы и деловиты.

Иная карьера,
Ты скажешь, не знание и не талант,
Но то и другое, а также напор и сноровка.
И новая эра
Придет, и откроет блокнот дебютант,
И снова, как прежде, защелкнет рычаг виршеловка.

СТАРИЦА ДРЕМЛЕТ

Берег высокий у Волги-реки,
Вал крепостной – завещание предков.
Здесь даже звёзды не так далеки,
Звуки доносятся редко.
Славится Старица древней красотой,
Княжеской честью, купеческим братством,
Верой смиренной и правдой простой:
Грех похваляться богатством.
Божию милость восславя, купцы
Миром построили церковь из древа.
В небо над торгом подняли венцы
В память Святой Параскевы.
Век пролетел – белокаменный храм
Зодчий возводит – с амвоном просторным.
Дивные фрески восходят к хорам,
Небо – в цветах рукотворных.
Смотрит на мир монастырских могил
Храм Рождества Богородицы – Девы.
В левом приделе восславился Нил,
Правый – Святой Параскевы.
Старица дремлет. Былой красоты
Тихо листают века и виденья.
Чает она возрожденья святынь,
Древней земли возрожденья.

ДОМ У РЕКИ

*Посвящается «Дому подрядчика
Мутузова» в Твери, XIX в.*

Манекены одеты нелепо
И стоят в освещенных витринах.
Так и мы, проводившие лето,
Заточённые в маски из грима,
Созерцаем безумие улиц,
Суету задымленных проспектов.
Даже если бы мы улыбнулись,
Разве кто-то поверил бы в это?
А вдали, в полутьме побережья –
Тихий дом. Заколочены окна,
И свисают с карниза небрежно
Перепутанной пакли волокна...
Он мне снится другим, будто не был
От людского беспамятства в шоке,
И кудрявится кованый стебель
У мансарды, в изгибе решетки.
На узорной скамье возле дома
В этом сне улыбаюсь прохожим,
А за речкою – храм невесомый
На чудесный град Китеж похожий.

БАБА ЗИНА

У бабушки Зины шершавые руки,
Рябые, как будто бы в пятнах от краски,
Но знают и правнуки, помнят и внуки,
Как много тепла в них и искренней ласки.

Пусть силы не те и со зрением худо,
Ведь годы уже приближаются к сотне,
То пол пометёт, то помоем посуду
Поможет, подскажет, помирят, рассудит.

С утра и до вечера вечно хлопочет,
Дела не дают отдохнуть ни минутки
И вроде устанет, а всё-таки ночью
Опять возвращается сон этот жуткий.

В заснеженном мире колонной машины,
Баранка руля в обмороженных пальцах,
И «юнкерс» завис над Дорогою Жизни,
А ей девятнадцать, всего девятнадцать!

И снова встаёт у неё перед взглядом
Как пули взрывают железо капота.
А в кузове ведь не картошка – снаряды,
Для нужд комендоров Балтийского флота.

Спасибо зенитчикам, не промахнулись,
Не дали фашисту второго захода,
Теперь у неё есть и дети и внуки,
А «фриц» навсегда сгинул в ладожских водах.

А бабушка эти кошмары ночные
Считает совсем не высокою платой,
За солнце свободы над нашей Россией
И мирное небо её Ленинграда.

ДЕРЕВНЯ РОДНАЯ

Я сюда приехал не по делу,
В те места, где даже воздух сладкий,
Где живёт моя родня по деду,
А ещё моя родня по бабке.

Так что здесь мои остались корни,
И они пока доселе крепки,
Ибо потом, а порой и кровью,
Удобряли эту землю предки.

Строили дома, сады сажали,
Богатели золотом пшеничным,
Здесь рождались, жили, умирали,
Только я не местный, а столичный.

Потому, что в зимние морозы,
С той поры минуло больше века,
Прадед промышлял в Москве извозом,
Ну а дед совсем уже уехал.

Я родился в городской квартире
С тёплым туалетом, ванной, газом
И винюсь, что обошёл полмира,
А сюда не заглянул ни разу.

Правда, здесь гостил ещё мальчишкой,
И сейчас мне всё напоминает
Терпкий запах перезрелой вишни
И вприкуску сахар с крепким чаем.

Узнаю, конечно, но не сразу,
Яблоневый сад на косогоре,
Старый пруд, заросший дикой ряской,
А казался ведь большим, как море.

Я иду по улице беспечно
И, согласно сельскому канону,
Головой киваю каждым встречным
Хоть мы с ними даже не знакомы.

Приглядевшись, ветхая старушка
Просто огорошила словами:
«На когой-та, парень, ты похож-та?
Тока не пойму, слаба глазами...»

Усмехнусь украдкой над вопросом,
Ну, а про себя замечу, кстати,
Нос у этой бабушки курносый,
И почти точь-в-точь как бабы Катин.

А мужчина, проходивший рядом,
Улыбнулся, сцену эту видя,
Полоснув небесно-синим взглядом,
Чуть прищурясь, словно дед мой, Митя.

Прогуляюсь узенькой тропею,
Как по половицам в отчем доме,
А на сердце тихо и спокойно
И к тому же, дышится легко мне.

Значит всё же это повод веский,
Заглянув сюда, окинуть взором
Косогоры, роци, перелески
И поля, поля до горизонта.

Постоять минуту у колодца,
Причастившись ледяной водою
И понять, что сердце гулко бьётся
В унисон с родною стороною.

Так что если будет всё в порядке,
Вновь сюда когда-нибудь приеду.
Пол деревни – мне родня по бабке,
Остальные – мне родня по деду.

* * *

Неровной строчкой начертай
на старой коже голос божий.
Ты плут, калика перехожий,
ты в нём не смыслишь ни черта.

Но будет «аз», но будет «ять»
и сотни знаков между ними.
И кто-нибудь запомнит имя,
чтоб имя это повторять.

А ты не оглянись назад –
там страх и глад, там сны и звери.
И пусть останется потерей
пожаром опаленный сад.

Года уйдут наискосок
от первой строчки к эпилогу...
У каждого дорога к богу
своя и в свой проляжет срок.

МОИСЕЙ

Уже ползёт последняя печаль
Сминает лоб, отягощает веки.
И кажется, что прошлого не жаль.
Не жаль, не жаль...
Разбитую скрижаль
Уносят в Палестину имяреки.

Но сколько их лелеющих мечту –
Обетованное не подлежит обману.
И вот они идут, идут, идут
И снедь свою привычную жуют
Их челюсти, натруженные манной.

Кто их считал – немытую толпу,
Зародышей великого народа?
Здесь каждый первый трус, пройдоха, плут.
Но горькую судьбу свою несут,
Дурную кровь теряя год от года.

Я им не царь, не пастырь, не пророк –
Им без отечества и не нужны пророки.
Песок веков они,
Они песок дорог...
Песок, песок,
Песок, песок, песок –
Зыбучей жизни даты, строчки, сроки.

Я им соврал, они не обретут
Ни рек из молока, ни берегов из мёда.
Песок – проклятье их,
Песок же их приют.
В песке они и смерть свою найдут,
Зародыши великого народа.

Уже ползёт последняя печаль...
Не жаль, не жаль...
Не жаль,
Не жаль,
Не жаль...

СОКРОВИЩА МОИ

Святые уголки
Я в сердце берегу:
Излучину реки
И храм на берегу.
Здесь, сколько не мудри,
Сокровища мои:
Зимю – снегири,
Весною – соловьи,
В день летний – луг в цветах,
В осенний – листопад.
Я, как персидский шах,
Неслыханно богат.
Берите! Мне не жаль.
Вон, ластится у ног
Реки живой хрусталь
И золотой песок.
Как пару пустяков,
Я с поля принесу
В оправе лепестков
Алмазную росу.
Хранит рубины лес,
А надо мной горит
Сияющих небес
Афганский лазурит.
Насыплет мне закат
Янтарь на склоне дня.
Я сказочно богат!
Богаче нет меня!

ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ

Как во городе во славном во Твери,
Что на матушке на Волге, на Тверце,
Славят звоном колокольным звонари
Утро ясное в малиновом венце.
Наполняет купол неба красотой
В час, когда роняет звёзды высота,

Мощным звоном медный колокол литой
С колокольни Вознесения Христа.
Подпоясав шпилью лентою зари,
Снятой только что с берёзовых ветвей,
Подпевают и другие звонари
С колоколен златокупольных церквей.
Колокольный звон с зари и до зари
Над Тверцою да над Волгой неспроста:
Славят, славят удалые звонари
Светлый праздник Воскресения Христа!

БОЖЕ, ВРАЗУМИ

Не знаю, божий промысел иль чудо,
Но с нашей церкви не снимали крест.
А может, просто не нашлось Иуды
В селеньях расположенных окрест.
И все-таки безверье – злое семя,
Дало ростки духовной пустоты.
И вот уже не комиссар, а время
С церковью роняет ржавые кресты.
А мы проходим равнодушно мимо
Или бежим куда-то впопыхах,
Хотя давно уже необходимо,
Встав на колени, каяться в грехах.
За то, что покрывая души срамом
(В дозволившие верить времена)
Не сберегли намоленные храмы,
От прадедов доставшиеся нам.
Да что там храмы! Даже и погосты,
Где завершатся каждого пути,
Из-за душевной, видимо, коросты
Мы не спешим в порядок привести.
Ты за грехи нас, Господи, не милуй!
Умрем, со всех сторицею возьми!
Одно прошу: за пращуров могилы,
Пока мы живы, Боже, вразуми.
Хотя б за то, что не нашлось в округе
На злое дело годных подлецов,
Добавь ума за прадедов заслуги
Нам, не достойным памяти отцов.

ХОЗЯЮШКА

От рожденья до самого краюшка
Мы дорогой идём напролом...
Ты раскинь свою скатерть, хозяйюшка,
Посидим за широким столом
И припомним, как жили, как ладили,
Не смотрели, кто русский, кто нет...
И какие же бесы подгадили,
Что вражда уже несколько лет?

Перед кем это мы виноватые,
Что Европу от ига спасли?
Небогатые были, с заплатами,
Но победное знамя несли.
Далеконько несли – не устали ли? –
В угол бросили, будто метлу...
Может взять его да и поставить бы
Под иконами в красном углу?

И начать бы судьбу по-хорошему
Строить, сеять да жить-поживать...
Только что же, хозяйка, непрошено
Твои гости – да сразу в кровать?
Ты зачем созвала, синеглазая,
Казнокрадов, убийц да барыг,
Вот от них и пошли безобразия,
Вот – причина твоих «закавык»...

Скалят зубы... Ну, впрямь, как хозяева,
Будто главные здесь на пиру,
Будто ханы из ига Мамаева,
Будто свиньи на скотном дворе.
Ну, давай-ка присядем, хозяйюшка,
Да потом и затеем ремонт,
Подметём дом до самого краюшка,
До того, что ведёт в горизонт!

НА БАЛУ

О, как красив кавалергард Дантес!
Как грациозно движется в мазурке!
Средь местных неотёсанных повес
Подобен он фарфоровой фигурке...
– Уймись, Катрин! Не пьяйся на мужчин –
Не забывай, что ты – не в Полотняном...
Известная особа, Раstopчин,
В лорнет глядит в упорстве постоянном.
Украдкой наблюдай из-под ресниц
И будь скромна: веди себя достойно...
Да, Жорж изящен, строен, белолиц,
Но поведение его весьма фривольно...

.....
За окнами дворца толпились волны,
Гранитные целуя берега,
И дни неслись водою невской полны,
Не отличая друга от врага.
А между тем уже сложились части
Мозаики, что зрела в небесах:
Уже француз, опасной «белой масти»
Ликует, с искрой бешеной в глазах,,,

А бал шумит, мелькают аксельбанты,
Вертятся фалды, перья, веера...
И антраша выкидывают франты,
И карточная мечется игра,
Летит волна по залу вихревая
И затихает... Кто же там в углу? –
Какая сцена жуткая, немая –
Дантес... Поэт... Перчатка на полу...
И шёпоток по залу: «Пасквиль... пасквиль...
Геккерн... Идалия... А вот и Натали –
Красивое лицо подобно маске
И беспечально кротко – c'est la vie ...

И ветер! Ветер носится и свищет:
Уж двести лет кружит вокруг земли
Как будто потерял кого и ищет:
Дантес и Пушкин... Пушкин... Натали

* * *

Когда-нибудь закончится война
И отшумят тревоги и атаки,
Посередине голода и драки
Вновь возродится мирная страна:
И вознесётся! Вырастет она
В могуществе своём и доброй славе,
И ты увидишь – полетит Гагарин...
Когда-нибудь да кончится война!

Ну, а пока немного потерпи,
Пять лет до дня Победы – и не больше:
Ещё под Сталинградом да и в Польше,
Нас ждут кровопролитные бои.
И миллионы павших на войне,
Не сдавшихся врагам и убиенных,
Святых для нас – и тленных, и нетленных,
Дотла сгоревших в мировом огне...

Ты потерпи, поднимется страна
Отстроятся и задымят заводы...
Когда-нибудь восстанут все народы,
Чтоб навсегда закончилась война.

Но вдруг запылал Афганистан,
И Сирия... И НАТО у границы...
Но всё ж, пока летят по небу птицы
Надежда есть. Сигнал ещё не дан...
И невозможно все их перечесать,
Те страны, где кровавые разборки.
Из пепла нам скажи, Василий Тёркин,
Зачем стране российской эта «честь» –
Спасать весь мир и, жертвуя собою,
Ложиться грудью на фашистский дот?

Склони колени, жертвенный народ,
Перед распятым, как перед судьбою...

Когда-нибудь да кончится война...

К ЧЕЛОВЕКУ

*Коммунистически-религиозная лирика.
Великому гению А.М.Горького посвящается.*

Дым-туман разнёсся по отечеству.
Гр-о-мит молоточками старательно.
Счастье Бог куёт для человечества
с помощью крылатых толстых мальчиков.
Лица их седые от усталости,
ломит спину – по рукам повязаны,
кабала в раю без тени жалости –
крылья – как проклятие за пазухой.
И не мудрено, что где-то изредка
дрогнет нерв – и, хочется, не хочется,
ангел за станком работы-изверга
человека взрежет одиночеством.

А внизу шагают безработные
Под тяжёлым небом, с чёрной совестью
рвут друг друга с яростью животного,
А потом, рыдая, в Счастье просятся.
И на стройку Мира выйдя с вилами,
Сказку-жизнь низводят в истязание.

Люди – беззаботные, бескрылые –
В чём, скажите, ваше оправдание?

НА СЧАСТЬЕ

Живу за решёткой
тетрадной бумаги.
По ту или эту я сторону?
Шальную чечётку
танцуют собаки
и радость со мной делят поровну.

Избитое слово
верну из санчасти,
борясь с повседневными склоками.
Луну, как подкову
на вечное счастье,
я к небу прибью кособокому...

НЕПРИЯТЕЛЮ

Взяв с собой гроши,
я к мечте лечу.
Ты же не дыши
на мою свечу.

Голос не срывай,
силы зря не трать:
все твои слова
выцветут с утра.

Мой заклятый друг,
вот моя рука.
Если я умру,
ты узнаешь как.

Если ты умрёшь,
тут же заплачу
я последний грош
за твою свечу.

ИСТИНА

Что же такое жизнь?
Семечки голубям...
Истина, покажись,
врежь по моим губам.

Выспавшись на плече,
злость поборов щекой,
стань для меня ничем,
или гробовщиком.

Вылепи из меня
пушечное ядро,
только не изменяй
сильно моё нутро.

Что же такое жизнь?
Зёрна на лоне почв.
Истину – под ножи:
ей уже не помочь.

Я ВЕРНУЛСЯ...

Вдоль тихих избушек тропинкой знакомой
пешком в неизвестную, новую жизнь
в дождливую полночь ушёл я из дома.
Звенели дождевики так грустно: дзень... дзень...

Дворняги в деревне, со мною прощаясь,
скулили протяжно тоскливую песнь:
– Куда ты, парнишка, уходишь, лишаясь
всего, что так дорого? Что за болезнь

тебя погнала в ночь ненастную, в слякоть
искать ненадёжное счастье познанья?
– Родные! Лохматые! С вами калякать
мне некогда! К вам я вернусь! До свиданья!

...Промчались года, отшумели дождями.
Давно я не юн и уже полусед,
бреду в предрассветье родными краями,
домой возвращаясь по ранней росе.

Какая здесь тишь! Уж не лают собаки...
Горластый петух не подшпорит рассвет.
С глазницами окон стоят, бедолаги,
дома без хозяев уж множество лет.

– Родимые, здравствуйте! Вот я, вернулся...
Простите, что поздно... Как сердце щемит!
Рассвета луч ломкий деревьев коснулся
и алым окрасились листья раки...

КАЗАКИ В ПАРИЖЕ

*Дайте мне одних казаков,
и я пройду с ними всю Европу...
Император Наполеон*

Под звуки уличной шарманки,
Под перезвоны Нотр – Дам
Сдались без боя парижанки
На милость нашим казакам.

Вот, с Бонапартом было туже, –
Его отборные войска
Бежали прочь по зимней стуже
От силы русского штыка.

А казаки вдогон летели.
Добравшись до парижских стен,
Там под весенние капели
Вошли в ворота Сен-Мартен.

Гремела медь, сияли лица,
«Ура» летело по полкам.
Сдалась французская столица
На милость нашим казакам.

За жуть московского пожара
Не мстили русские врагам –
Пусть им воздастся Божья кара,
Как говорится, – «... Аз воздам!».

Однако, «жару» все же дали!
И после стольких лет войны
Так парижанок ублажали...
Так были дьявольски сильны.

И покидая их альковы,
Бросали им прощальный взор...
А сколько в них казачьей крови, –
Французы спорят до сих пор.

PS. Дайте мне казаков? Нате вам казаков!

Так ни шагу назад, старик:
Возражения неуместны.
Если нужно погибнуть – умри,
А прикажут воскреснуть – воскресни!

За твою спиной –
Шар земной,
За твою спиной –
Высота сто два ноль¹ ,
Каждый шаг здесь оставил полтонны металла,
Если б этот металл переплавить в медали,
Их хватило б на пять миллиардов солдат –
Столько весит награда твоя,
Сталинград.

За твою спиной –
Шар земной,
За твою спиной –
Высота сто два ноль ,
Каждый шаг здесь оставил полтонны металла,
Если б этот металл переплавить в медали,
Их хватило б на пять миллиардов солдат –
Столько весит награда твоя,
Сталинград.

---

¹ *Высота 102.0 – обозначение Мамаева кургана на военно-топографических картах (прим. автора)*

* * *

И без креста, как на кресте...
В один из дней Святой недели
Шёл комсомолец на расстрел.
И был апрель. И птицы пели.

Лицо похоже на ожог.
Спина изрезана плетями.
Давно забывший слово Бог,
Он шёл, как агнец на закланье.

А небо было голубым,
Стекал ручьями снег в овраги.
Всего лишь за день став седым,
Двадцатилетний Ванька Брагин

Шёл, подволакивая ногу,
По улице, где Был и рос,

К забытому им напрочь Богу
Сквозь дым немецких папирос.

* * *

Играй, горнист, пускай аляповаты
Твои лицо и горн, запущен парк.
Играй, напоминая, чем чревата
В России похоть власти, бей в набат.

Исполни до конца свои обеты
В виду собора Спаса на Крови.
Да, ты не верил Новому Завету,
Но Бог прощает тем, кто впереди.

И глаз горит, и не важны Продажи,
И что там с курсом доллара – плевать...
Смотрите, кто-то гипс измазал сажей
И начал свастику на горне малевать.

* * *

Сидим, пьём водку, думаем о Вышнем,
И слёзы закипают за зрачками.
России лет уже поболее тыщи,
А мы не нажили ума, живём толчками.
Придёт война иль неурядица, не ропщем.
Каким-то чудом выживаем, бьём баклуши,
И снова ждём неведомого, в общем
Не зря наш крест – одна шестая суши.
Играют нерастраченные силы.
Ведь мы не суетимся понапрасну.
Сидим себе, натачиваем вилы,
На случай, если лето будет красным.

СВЕЧИ НА ПЛОТАХ

Соловьёва переправа¹.
Сорок первый – страшный – год.
Смерть и с неба, слева, справа.
Смерть – вода! Но плот – плывёт!

Пусть тела пронзают пули,
Пусть в разрывах синесвод,
Пусть вода – пчелиный улей –
Плот плывёт, плывёт, плывёт!

Он – квадратик переправы,
Он – воды соперник-брат.
На плоту гребёт орава:
– Ты дождись нас, медсанбат!

Но – прямое попаданье
Плот разносит на куски,
И, войны, питаясь данью,
Днепр качает пол-доски.

Где-то там всплыла пилотка,
Где-то – с звёздочкой картуз,
Ниже – голени в обмотках
Обживает чёрный гнус...

Сколько тысяч, переправа,
Ты в пучине погребла
И плакун-травой оправой
Убираешь берега!

* * *

Война минула – память стонет.
Мы свечи ставим на плоты.
Огни плывут, плывут, не тонут –
И души шлют из темноты...

¹ Стихотворение посвящено Соловьёвой переправе на Днестре, которая в годы Польской смуты, и в годы Наполеоновского нашествия, и в годы Великой Отечественной войны была стратегическим объектом на Старой Смоленской дороге для русского воинства. 5 августа 1941 года комендант Соловьёвой переправы полковник Александр Лизюков был удостоен звания Героя Советского Союза. (прим. автора)

ВЕСЕННЕЕ

Ну, что – опять по новой ледоход,
В сырой низине дозревает верба,
В лесу подснежник скоро зацветёт,
Заглядывая в мартовское небо.

А там – то солнце разольет лучи,
То зимний морок наколдуют тучи,
На купола безмолвные в ночи,
Поспешно шапки снега нахлобучив...

И сквозь знакомых таинств череду –
Погод и дней, явлений и событий,
Навстречу Жизни я опять иду –
Как к чуждому из всех земных открытий.

Но чудом бóльшим Русь стоит окрест,
Готовясь освежить свои наряды...
Земля родная, мой нательный крест.
Другой уже не будет.
И не надо.

* * *

Добрый Ветрушка, славный Ветрушка¹,
Дуй нам Ветрушка да по верушке,
Да на мельницы, на кормилицы,
Да на нивушки, на родильницы.
Мы дадим тебе, Ветер, хлебушка,
Мы дадим тебе, Ветер, девушку,
Красну девушку, нашу Аннушку,
В жены Ветрушку возжеланному!

Расплетай её косы длинные
Над полянами да над жнивами,
Разметай ее светлы волосы
Над лугами да над покосами.
И одежд ее полы долгие
Преврати в облака высокие,
Тело белое – в зёрна спелые,
Душу кроткую – в песню звонкую!

Добрый Ветрушка, славный Ветрушка,
Защити, Ветер, наших детушек
От недóрода, горя-бедушки,
Да от голода, да от смертушки.
Добрый Ветрушка, кушай хлебушка,
Славный Ветрушка, милуй девушку,
Да на небушко к Ясну-Солнышку
Отнеси скорей нашу просьбушку!

---

¹ У древних славян ветры делились на злые и добрые. Ветер не только нёс беду и болезни от злых духов, но и был помощником в сельском хозяйстве и в мореплавании. Чтобы задобрить ветер славяне кидали в него хлеб, муку, остатки с праздничного стола, обещали отдать ему самую красивую девушку рода. Говорить с ветром нужно было ласково. Считалось, что все заговоры колдунов и ведьм также переносились ветром. (прим. автора)

ОБЕРЕГ

Собирала матушка сына в путь-дорогу
Да ходила к образам, кланялася Богу –
Выплетала с пояска красненькую нитку
Да вязала узелки – оберег¹ с молитвой:

– Сохрани, судьба, сына, отведи невзгоды –
Вот мой первый узелок от любой хворобы.
И второй я завяжу ниточкой суровой –
Чтоб не знал сыночек мой зависти и злобы.

Третий узел закручу от худого глаза,
А четвертый пусть хранит сына от соблазна,
Чтобы крови не пролил, да от черных мыслей
Мой сердечный узелок для достойной жизни.

Крепко-накрепко вяжу узелочек новый –
Чтоб сыночка не настиг бед венец терновый,
А последним заплету узелок на счастье –
Пусть горит его звезда, никогда не гаснет...

Собирала матушка сына в путь-дорогу,
Все вязала оберег, да молилась Богу.

---

¹ Сильным оберегом от сглаза и порчи у славян всегда считались «наузы» – нити с узелками, повязанные вокруг запястья. Для изготовления такого талисмана использовались любые нити: хлопковые, шелковые, шерстяные, льняные. Но особой силой обладали нити, выплетенные из пояса – самого сокровенного и обязательного элемента одежды древних славян. Одно из свойств оберегов нити из пояса – защита в дороге и путешествиях. Особенной силой обладали обереги, повязанные близкими, любящими людьми. (прим. автора)

СУДЬБОНОСНОЕ ВИДЕНЬЕ

Полноводное течение,
бережок крутой,
судьбоносное виденье
девы молодой.

В трех лучах явило утро –
Жизнь, Любовь и Свет,
оживило Словом мудрым
над Землей рассвет.

Всемогущее Светило!
Сила, Воля в Нем!
жар полуденный ярила
и стрела с огнем!

Равновесная система!
чистый небосвод –
Мысль, гармония, поэма,
озаренья взлет!

Перст! Всевышнего десница –
путеводный знак!
Суждено знаменью сбыться,
пламенеть, как стяг!

Встать щитом, святой молитвой,
крепостью, стеной
за словенский край великий,
за очаг родной!

В бой идти на подвиг ратный,
закаляя меч,
пред живым и мертвым клятву
в сердце уберечь!

ПУСТЫНЬКА НИКАНДРОВА

Пустынька не ближняя,
мчит асфальт дорог
за леса, к подвижникам,
в райский уголок.

Псковская сторонushка –
Бога Дом и крест,
ласковое солнышко,
высота небес.

Мать – земля, раздольная,
благ, добра не счесть –
кладезь хлебосольная,
в закромах все есть!

Кисточка брусничная –
розовая гроздь,
спелую черничкою
угощайся гость!

До глубин целительных
тропки, да мостки,
очень соблазнительны
ягод островки.

Недр вода прохладная –
чаша через край,
струйными зарядами,
радуи, обновляй!

Пустынька Никандрова –
истины ковчег,
мира православного,
духа оберег!

ГОРОД ГДОВ

Озеро Чудское – неба бирюза,
на сосновой хвое янтаря слеза.
Лодка смоляная, в добрый путь ветра,
зимний лед растаял, промысла пора.

Ниточкой крученой починена сеть,
сдоба испечена, припасена снедь.
Крепкие мужчины, на плечах семья,
вышли на путину, нет в руке копья.

Мир царит! спокойны доли и поля,
сторонятся войны Псковского кремля!
Русь не лыком шита, в правде арсенал –
мощная защита, вековой запал!

Зависть у «соседа» на большой улов,
выследил, разведдал и отнять готов.
Не уйти грузеным: сила не равна,
рыбаков сраженных унесла волна.

Молнией разбужен тихий бережок,
за гибель мужа воротиться долг!
Берегини жены – севера краса,
держат оборону, не сомкнут глаза!

Скрыл валежник колья, дно провальных ям,
из огня на волю хода нет врагам!
Не минует кара! пламя горячо!
Сказано недаром: «не грози с мечом»!

За детей моление, вдовьей доли сны,
с новым поколеньем поднялись сыны,
дорожили свято родиной отцов,
возвели богатый город – крепость Гдов.

Колыбель Чудская – коренной народ!
глубина морская – корабельный флот,
флаги всего света и товар в цене,
скобаря монета с прибылью в казне

БЕЛАЯ ПЕРЧАТКА

*посвящается Великой Княгине
Елизавете Федоровне*

Упала белая перчатка...
Поруганная чистота.
Княгиня светлая украдкой
Сжимала скорбные уста.

«Народ – дитя. Он неповинен
В грехопадении своём.
Враги России, что отныне
Им управляют день за днём,

Ввели народ наш в заблужденье.
Так искушает Сатана.
Он говорит, что в нём – спасенье.
А в нём – гибель лишь одна».

В больничной церкви на коленях
Стояли сёстры день и ночь,
Молили о Руси спасенье,
Не в силах ей ничем помочь.

Смирения венец терновый
Княгиней царственно надет.
И на Голгофу путь крестовый
Благословен: «Спаси от бед!»

И приняла свой путь смиренно
И за мучителей своих
Молила Бога вдохновенно,
Чтоб он простил грехи все их.

Прекрасна внутренне и внешне
Своей простою красотой.
Душа летит. Она безгрешна.
В ней – дух небесный, рай земной!

ЦАРСТВО АНТИХРИСТА

Разобраны пути: иного нет исхода.
Отринуты цари. Предсмертная тоска.
Всё делается вновь во имя, для народа,
Но неподъёмен груз. И...падает рука.

А всполохи в ночи и звуки канонады,
Растерзанные в кровь и души, и тела...
Жестокость усмирив, всё сделать так, как надо,
Смогла б Россия жить? С достоинством смогла б!

Нахмурен как октябрь гранитный Петербург.
Страшны и скупы дни, водоворот событий...
Куда же нас несёт воронкой снежных пург?
И вынесет куда? Нам не дано открытий.

Спасут Россию Бог иль новые цари?
В порочном круге вновь душа оцепенела.
Страдание вокруг, но марево вдали:
То в пламени войны земля моя истлела.

Молчание рабов. И страх, и суета,
Но вера и любовь к Отчизне общей живы.
Всё рушится. И пусть! Россия уж не та.
«Авроры» первый залп – свободы то порывы...

Не милосердны мы в неистовстве борьбы.
Сметая всё кругом, убийствам новым рады.
В падении на дно и слабы, и грубы.
В братоубийствах войн не просим мы пощады!

Нам некуда бежать, ведь родина – одна.
И многопуден груз: всей массой – на Россию.
В падении своём достигнем пика, дна.
Но только вместе мы найдём для взлёта силы!

«СКОЛЬЗЯЩИЕ СТРОКИ»

посвящается поэтессе Зинаиде Гиппиус

Гроб на салазках везут родные.
Скорей схоронить бы – гроб напрокат.
Где – мы? Куда – мы? И кто мы такие?
Ужель человеческой эры закат?

Что нам, несчастным, и холод, и голод?
То ли страданье, то ли беда?
Ужас ужаснейший тупо как молот
Рушит сознание людей без труда.

Мы уж не люди, а звери с оскалом:
Что нам убить, задушить, зарубить!
Сам Антихрист правит розовым балом!
С поруганной честью России как жить?

«Скользящие строки» налиты кровью,
Живы и праведны. Воздух тяжёл.
Жилы натянуты. В них столько боли!
В грехопаденьи – распад и раскол.

Любишь Россию? Проси милосердия,
Объединяйся скорей с братом брат!
Для цепи единой мы выкуем звенья.
Стране нашей нужен рассвет, не закат!

И важно одно: что ты русский – душою,
Что родину любишь ты всем естеством!
Поднимем Россию мы общей любовью!
Да свят будет дом, осененный Крестом!

КАМЕНЬ

Вернись в мою безрадостную жизнь,
Зажги свечу, и отогреешь время:
И вслед тебе смахнёт седое бремя
Моих веков божественная кисть.

И дивный свет затеплится в груди,
И мир души исполнится надежды
И веры в то, что только ты поддержишь
Меня в моём назначенном пути.

Откроешь вновь простор родных полей,
И утро ляжет под босые ноги,
И где-то там, на солнечной дороге
Табун крылатых встретится коней.

И белый конь нас вознесёт наверх,
И будем мы парить над облаками
В мечтах о том, как тёплыми руками
Построим дом, который примет всех.

Наверно, ты как прежде молода,
В груди огонь сердечных ожиданий,
А я... давно сторонний наблюдатель,
Как бог даёт достойным два крыла.

Но ты сотрёшь безрадостную жизнь,
Зажжешь свечу, и вновь запустишь время...
И, как и ты, смахнёт лихое бремя
С моих седин божественная кисть.

ЧУДАК

Мир. Провинция глухая.
Город. Ночь. Позёмка злая.
Угол. Новая реальность.
Выброшен в невероятность.

Отогрейте кто в ладошке
Бесприютного Серёжку:
Одинокий бродит гений
По следам своих сомнений.

Непонятные тревоги
Лишь иллюзии дороги,
А архангелы, встречая,
Не укажут путь до рая,

И «игра на выбыванье»
Избавляет от прощанья:
Исчезает странный гений
В переулках сновидений.

Кем-то, кто творит реальность,
Выброшен в невероятность:
Вновь провинция глухая.
Город. Ночь. Позёмка злая...

В ЯНВАРЕ 1940-ГО

Белой нитью ровный шов на полосках узеньких.
Мама шьёт из лоскутов одеяло Нюсеньке.
Всем вещам приходит срок: в лоскуты изорваны
Старый бабушкин платок да отрез с узорами.
Вот легли обрывки в круг сарафана синего –
На деревне у подруг не было красивее...
В одеяле всех теплей лоскуты нарядные,
Поправлялась бы скорей детка ненаглядная!
Жизнь военная бедна, вовсе нет ненужного,
В сундуке лежит одна лишь рубаха мужнина.
Страшны слухи – их не счесть, все в деревню сходятся.
Но пока рубаха есть – муж домой воротится.
Вся Карелия в снегах, стынут слёзы-бусинки,
Засыпает на руках в одеяле Нюсенька.

* * *

Не гуляй в лесу за ручьём.
Он недобрый, людям не рад.
Сумрак там и ночью, и днём,
Там пропал не один солдат.
Из-под листьев торчат шипы
Ржавой стали который год,
Но, почти рассыпаясь в пыль,
Ждут, когда кто-нибудь придёт.
И застанут шипы врасплох,
Жадно кожу они пронзят,
Брызнет кровь на зелёный мох,
Словно семьдесят лет назад.
Нет, ещё не окончен бой,
Где безжалостна и жестка,
Без разбору – чужой иль свой,
Рвала проволока бока.
Воротились не все живьём,
И земля неспроста черна...
Не гуляй в лесу за ручьём,
До сих пор там идёт война.

СЫНОВЬЯ БЕЛОГЛАЗОЙ ЧУДИ

Путь по Северу нам нетруден,
Чуть окрепнет осенний лёд,
Сыновья белоглазой чуди
Отправляются в свой поход.
Мы шагаем легко и смело,
Под доспехами скрыта грудь,
Топоры да лихие стрелы
Расчищают широкий путь.
Мы по лесу течём лавиной,
Биться каждый насмерть готов,
Возвращая свои долины,
Прогонять врага с берегов.
Много здесь чужаков бывало...
Об удаче богов моля,
Положили мы их немало –
Это наша с тобой земля!
Кто был прав – лишь века рассудят.
Но хранит в преданьях народ
Сыновей белоглазой чуди.
Продолжается наш поход!

БИТВА НА ЧУДСКОМ

«... Взявшие меч, мечом погибнут.»
– Мф 26:52

Врагов смиренно ожидая,
Князь подле озера стоял,
Славян победу предрекая,
Он был горою среди скал.

Ливонцы шли тяжёлым клином,
Но Невский тут же приказал
Ударить с флагов воедино,
Разя неверных наповал.

Клубился бой. Земля дрожала,
И разносился Адский звон
Там, где невиданная жалость
Сменилась пламенем икон.

Цеплялись мёртвые руками,
Качались копья на ветру.
Стонал в крови Вороний камень,
Моля за праведную Русь.

И победив, запели дружно
Знамена в ясной синеве
Во славу русского оружия!
Во славу русских сыновей!

УБИЙСТВО!

Убийство! На первую полосу!
Пускай прочитают о нём!
Поставим мы дыбом волосы,
Прервав обывателей дрём!

Сапожник, портной иль торговец –
Кто умер лишь строчка из слов.
Пусть слава со смертью догонит
В газете, где есть некролог.

Убийство...Повешена трубка,
Три метра, Молитва и Крест.
Искал справедливый заступник
Холодное блюдо как есть!

Искал чрез врагов он подсказку
Кто смерть пригласил в его дом?
Попал в неприятную сказку
С весьма очевидным концом.

Убийство...Второе в неделю
На месте записка «Пока».
В отмщение сладостно верил,
Двоих уведя в небеса.

ГРОЗА

Приходят сны из мокрой стужи,
Гремит, сверкая, небосклон.
Грозе наш мир всегда был нужен
Как испытаний полигон,

Как место чистого злорадства,
Чтобы никто не помешал
Ей хорошенько разгуляться,
И повторить Девятый вал.

Удар. А после смех гремучий,
Столь злобный, будто без души.
И закружились вихри круче!
Закончилось... Теперь дыши...

ВДНХ

Воздух и влажный, и жаркий,
Утро июльского дня.
ВДНХ из-под арки
Смотрит вприщур на меня.

Хмарит. Шумливо-фонтанно.
Розы на клумбах красны.
Я в заповеднике странном
Прошлого нашей страны.

Всюду снопы и колосья,
Золото, пышная статья...
Как же тебе тут жилось, а,
Гордой эпохи печать?

Что по ночам тебе снилось
В годы лихих перемен?
В годы, когда выносилось
Всё, кроме крыш или стен?

Было ли страшно и горько?
Мучилась ли стыдом
Ты, всесоюзная стройка,
Кузница–житница–дом?

Хочешь ли выйти из арок?
Или довольна и тем,
Что подновили в подарок,
Что не закрыли совсем?

Кто-то, быть может, в обиде,
Кто-то, наверно, в долгу...
Дети такого не видят,
Дети вопят на бегу.

Визги, ладони в фонтанах,
Рай самокатных дорог.
Было ли что без изъяна?
Будет ли что без тревог?

Ливню греметь над Москвою
К вечеру летнего дня...
Прошлое наше, живое,
Долго глядит на меня...

ПОРТРЕТУ КОВАЛЁВОЙ-ЖЕМЧУГОВОЙ¹

Благородство рихтует черты,
Заставляя дышать на портрете,
Выдавать в мягком темпераменте
Потаённую суть красоты.

Живость глаз и спокойствие губ...
Что они, если тело истлело,
Если всё, что играло и пело,
Превратилось в безжизненный труп?

Тем, кто помнит, в удел воскрешать:
У портрета их чувства сильнее.
И к ушедшему нежность острее,
Заставляя их дольше страдать.

Но другим – незнакомым, чужим,
Этот взгляд, выправляющий душу,
Словно воздух живительный нужен,
Нужен, словно надежда больным.

Остаются для них на холсте
Чистый лик, дух и разум, и чувства –
Не застывшие силой искусства,
Но живые, подобно мечте.

---

¹ Картина Н. П. Нератовой. 1995 г. Копия с оригинала неизвестного художника 1790-х. Портрет крепостной актрисы Праксовьи Ивановны Ковалёвой – Жемчуговой в роли Элианы из оперы А.Э. Гретри «Браки самнитян» (*прим. автора*)

ГРЯЗЬ

Я вернусь к тебе Русь бездорожная,
встретит осень сапожною сыростью...
Лес, низина, увязну я дрожками –
остаётся взывать к Божьей милости.

А дорога, как в язвах – в ухабинах,
раскисает, корёжится, крутится,
изувечена вся, испохаблена
деревенской осенней распутицей.

Лошадёнка дождями исхлѣстана,
жидконогая, да худосочная,
уж не сдюжить ей грязь подколѣсную,
(не суди, захолустная вотчина)!

Поскользнѣтся, да в жижу разѣезжую
поползѣт, будет чавкать копытами...
Ни назад, ни вперед – «ну, хоть режь её»
Две версты для неё станут пытками,

Две версты ей покажутся вечностью
Жѣлто-сизую и безликою...
Торопить будет день скоротечностью
И кровить предзакатными бликами.

От бессилья слезина покатится –
Лошадиный предел безысходности...
Тонет жизнь, как в грязи, в неурядицах:
«Как тут век прослужить? – хоть бы год снести!

.....
Выпрягал и тасил бедолажную
(Дал к упрямству Господь силу воли мне)
И оставив повозку с поклажею,
Утопая в грязюке по голени,

чудом вышли!... Гигантской горошиной
солнце пало на слякоть осеннюю...
Только плача, на упряжи брошенной,
Колокольчик взывал о спасении...

* * *

А.С. Грину, год 1932

Быть пожилым ему не довелось.
Судьба – корабль, а Старый Крым – причал,
голь под машинку стриженных волос
и худоба... Стараясь скрыть печаль,

жизнь во хмелю повисла, год – за три.
одни глаза остались, да усы,
хворь воровато грызла изнутри,
судьба на пике чёрной полосы...

Тридцать второй! Среди пламенных речей
колхозный бум и банды в перевес,
в год пуска первых доменных печей
взойдут Аэрофлот и Днепро ГЭС!

«Не до феерий – тракторы нужны!»,
неурожаю в тон – голодомор...
В тар-тарары летят сопряжены:
места «малин», «содомов и гоморр» –

там, где жируют «нэпман» и «кулак»,
и враг народа, да и просто вор...
Всех перемелет лопастный Гулаг –
тот, сатаны неистовый мотор!

.....
Но спят предгорья под фатой озёр,
и в книжный рай идилий и надежд
спешит полуголодный фантазёр,
презрев политиканов и невежд,

где обагрит заря ультрамарин,
рассветно-влажной кистью мельтеша...
Сей мир покинет Александр Грин,
чтоб «Недотрогой» теплилась душа!

ЗА ЕДИНУЮ РУСЬ

Давно на Русь точат свои ножи
Цепные псы рвут поводки хозяев.
Не по-зубам им наши рубежи
Стоят не шелохнуться пасть оскалив.

Глядят на неприступный русский щит.
Вороны бьются и летят обратно.
Желчь злобная у них внутри кипит
Без лакомства летят и безвозвратно.

Вороньи клювы затупились донельзя
Круги мотают вдоль границ России.
Такая, непреступная страна
Надёжно бережёт свои святыни

Объединившие народы, души нас
Два верных сына Матери-России
Минин, Пожарский стали в грозный час
Защитниками, ляхов окружили

Изгнав Лжедмитрия, шипящую змею
Из чрева русского, Москвы столицы
Кремль гожд, лишь русскому царю
Орлу, а не какой-то жалкой птицы

Зёрна пытаюсь поклевать
Сор разнести по всей Руси Великой.
Они умеют гнёзда разорять
И больше ничего, потом хихикать,

Но видно Бог всесущ глядит сверху
Ему виднее, он у нас владыка
На смерть идя, мы верим одному
За нами Русь, не поминайте лихом.

* * *

Русь моя привольная,
Матерь хлебосольная
Светлая и чистая
С открытою душой.

Птицей перелётною
Песнь поёт залётную
По земле гуляючи
Парень молодой.

Он поёт о долишке
О родимом полюшке,
О просторах Родины
С нелёгкую судьбой

О просторах Родины
С нелёгкою судьбинушкой.
О Великой реченьке,
Неба синевой.

О Великой реченьке,
О родимой матушке
Псковитянках-девушках
С русою косою.

Они ходят милые
По траве – муравушке
Собирают капельки
Ноженькой босою.

Сядут на пригорочке,
Встретят ясно солнышко
Боженьки помолются,
Песню запоют.

Ах ты, доля долишка
Моё чисто полюшко
Псковщина родимая
И души приют.

Я ДОЖДУСЬ

*Моей бабушке, Сердечной Домне Михайловне,
которая всю жизнь ждала с войны мужа,
прислушиваясь к каждому шороху...*

«Жди меня, и я вернусь...»

К. Симонов

1.

Я дождусь, я дождусь, непременно дождусь.
Вот сейчас заскрипят половицы...
Нет, сначала калитка. Не смазана. Пусть!
Пусть скрипит. И такая сгодится.

А потом сапоги захрустят по песку,
Каблуки застучат по ступеням,
Брякнет ковшик по кадке, отведать кваску,
Крякнет дверь, отворённая в сени...

Я дождусь, я дождусь, непременно дождусь...
Задохнётся от счастья калитка.
Ты сказал, уходя: «Жди, родная, вернусь.»
Я дождусь. Похоронка – ошибка.

2.

В углу под потолком над телевизором,
Куда никто из нас залезть не мог,
Цветочками бумажными униженный,
Жил Бог.
Бабуля с ним всегда шепталась ласково,
А он молчал в ответ, смотрел в глаза.
Текла, казалось, по дощечке лаковой
Слеза.
А мы, притихшие, смотрели издали
(Мешать сейчас, поди, нехорошо!)
И вместе с ней просили Бога истово,
Чтоб дед скорей с войны домой пришёл...

ВЗРЫВ

По детским воспоминаниям моей матери

Взрыв! Другой!.. А где же братья?
Взрыв! Другой! Сейчас, сейчас...
Я спасусь: я под кроватью!
Только б мамочка спаслась...

Взрыв! Другой! Забьюсь подальше.
Или сразу умереть?
Как же братья? Я же старше...
Это очень страшно – смерть.

Взрыв! Другой!... Я не забыла.
Помню трупы, кровь, бинты...
Мне тогда четыре было.
Мама, мама, где же ты?!

Где вы, братья? Как ты, деда?
Что так долго пушки бьют?
– Дочка! Доченька! Победа!
Слышишь? Праздничный салют!

ТРИГОРСКОЕ

Медовый липы аромат,
Пьянящий, пряный, золотистый,
Вновь возвратил меня назад
На берег Сороти петливой.

Где на обрыве я стоял,
Влюбленный в этот край навеки,
И взглядом всадника искал,
Как Вульфы в позапрошлом веке.

А память вновь меня ведет
В усадьбе к главному строению,
Фасад чей сразу выдает,
Фабричное происхождение.

А дальше к солнечным часам,
Где в полдень (солнце лишь бы было)
Укажет точно гномон нам
Дорогу к дубу старожилу.

По парку старому брожу
Как по «Онегина» страницам,
За это, новость не скажу,
Владельцам надо поклониться:

Себя за Лариных приняв,
Перекрестили всю округу,
Названья из романа взяв,
Как дань прославленному другу.

Здесь от Онегинской скамьи
Идешь к Татьяниной аллее,
Минуя баньку, где чаи
Пьют ритуально, не потея.

В прудах зеркальная вода
Застыла неба отраженьем...
Вернусь когда-нибудь сюда,
Но лично, не в воображенье.

МИХАЙЛОВСКОЕ

В Михайловском я трижды побывал,
Сюда я шёл различными путями,
И каждый раз в усадьбе ощущал,
Как всё насквозь пропитано стихами.

Еловая аллея и крыльцо...
«Мой верный друг» из памяти всплывает
И Пушкина счастливое лицо:
Он Пуцина нежданного встречает.

Заученные мою с детских лет
Десяток строк про «добрую подружку»
Мне вспомнились как полустертый след,
Когда входил я в скромную избушку.

Проход опасен по аллее Керн
(Деревьям тоже ведомо старенье),
Но в сердце как негаснущий рефрен
Звучит: «Я помню чудное мгновенье».

Часами в парке не спеша бродил:
Пруды и утки, мостик, «дуб зеленый»,
Я это место сразу полюбил.
А может быть пришёл уже влюблённый...

ГОРОДИЩЕ ВОРОНИЧ

Увидев холм, где городище было,
Ещё не зная, что стояло здесь,
Подумал я: «Здесь с небольшою силой
Сбить с осаждавших можно просто спесь».

Крутой обрыв у Сороти изгиба,
И два оврага, русла бывших рек,
И завершеньем вечного разрыва
Глубокий ров, что вырыл человек.

Веками Псков надёжно охраняло
Воронич – юго-западный форпост.
В Ливонскую войну его не стало.
Теперь здесь только небольшой погост.

Спит вечным сном у церкви-новодела
Тригорского владельцев вся семья,
Что сосланного Пушкина согрела,
Своих сердец тепло ему даря.

Спит Гейченко. Душа его святая
Над городищем в вышине парит,
На дело рук своих с небес взирая,
Весь заповедник Пушкинский хранит.

А в Сороти весь день аквалангисты
Времен ушедших ищут слабый след
В надежде, что Воронич возродится,
Чтоб край беречь от войн, невзгод и бед.

СОЛОВУШКА

Всю сирень возле Славянки повырубили,
Всю крапиву потоптали, повыкосили,
К самой реченьке дома подбираются,
А он знай себе поёт – заливаётся.

Да, душа соловья – дело тёмное,
Даже свай перестук нипочём ему,
Наплевать ему, что город – не рощица.
Улететь бы далеко – чего проще-то?

Только здесь он из яичка проклюнулся
И под первой непогодой сутулился,
Здесь он милой своей – бурой ладушке –
Щелкал песни о любви для усладушки.

То ль не спится мне, а то ли неможется,
Но врастаю в его песню всей кожей,
И поет мне соловей, будто кается –
По отчизне по своей убивается.

У ПАМЯТНИКА АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ В ПЕТЕРБУРГЕ

Пробиваясь сквозь время и память, забитые пылью
Всех досужих и злобных чужих полуправд-полулжи,
Наши павшие вечно идут по дорогам России –
Их отряды дозором обходят её рубежи.

И печатают шаг, и глядят так сурово и нежно
На детей, что бездумно родство позабыли своё...
Подпуская поближе несметную чёрную нежить
Александр-полководец сильнее сжимает копьё.

* * *

От старческих ворчаній толку мало.
Но не могу никак преодолеть,
Что понимать слова я перестала
И часто в разговорах, словно в сеть,
Сквозь воду чистую родного языка
Ловлю химер с азартом рыбака.

И вытянув диковинку чужую,
Пытаюсь заглянуть в её нутро
На вкус чуть-чуть на языке смакую
И складываю про запас в ведро.
А там они по-своему галдят
И пониматься вовсе не хотят.

Как будто словарём от Муми-папы
Прикрытые, ползут из всех щелей
Уродцы той волшебниковой шляпы –
И спорят, кто нелепей и наглей.

.....
Живёт наш язык, как его ни калечь...
Ведь мы сохраним тебя, русская речь?

* * *

Неспешно спускались ветра с Городища,
Над озером плакала нежно свирель.
У нас на Руси каждый – странник. Он ищет
Свой путь в этом мире, свою параллель.

И мы с тобой так же искали ответы,
Держали в руках путеводную нить
И шли за клубочком от лета до лета:
Почувствовать, встретить, понять, сохранить

И детям своим передать эту веру,
Поведать однажды, души не тая,
Как можно любить без оглядки и меры
Сурово-прекрасные эти края.

А ветер срывал подвенечные платья
С черёмух в излучине тихой реки.
Где крепость свои распахнула объяття,
Где вечную мудрость хранят родники, –

Там пели ключи о добре и о воле,
И в сердце опять воскресали мечты,
И вновь пробуждалось Словенское поле,
И яблонь в садах распускались цветы.

А звуки ласкали уснувшие дали,
Хранящие дивные тайны свои.
Всю душу насквозь эти песни пронзали –
От первой любви до последней любви!

Пусть мало ответов. Пусть больше вопросов,
И прошлое скрыто в кромешной дали,
У нас на Руси и поэт, и философ –
Всяк ищет извечную Правду Земли.

СРЕДИ ЗЕЛЁНЫХ ДНЕЙ

Какой тоской среди зелёных дней
Порой нежданно накрывает душу!
Змеёй вползёт, зажмёт в тиски и душит,
И ничего уже не сделать с ней...
От боли морщась, запивая гнев
Настойкой горькой – бедности с неволей,
Почти смирились мы с унылой долей...
Но в сердце – славной древности распев!
Но в памяти, в крови – другая Русь:
Великая, раздольная, живая,
Цветущая от края и до края!..
Она в мечте пока что – ну и пусть!

Пускай она в полоне и больна –
Мы не бежим, судьбы спасаясь общей.
Кто любит, тот воюет, но не ропщет,
Он скажет: МОЙ народ, МОЯ страна!
Не «эта», где чужие и свои,
Где власть от тьмы творит своё бесчинство.
Не верят трусы в русское единство,
И говорят: «В войну не до любви –
Руби с плеча иль спрячься в тишине».
А я ищу для всех неспящих – Слово
И вновь твержу: «Любовь – всему основа,
И без неё не выжить на войне».

Мы не отступим больше, не сбежим,
Мы Рати часть, а Рать – не то, что стая.
Есть Русский Дух, что держит и питает.
Он крепок в нас, хотя непостижим.
И всё, о чём мечтаем по ночам,
Однажды встрепенётся и воскреснет.
Мы этот мир храним в душе и в песне.
И значит, ноша – точно по плечам.

ПАСТУШОК

Поиграй, пастушок, на своей тростниковой свирели,
Я тебе заплачу – эй, несите кошель с серебром!..
До чего же пригож! Ты милей солнцеликого Леля.
Я с тобою в луга убежала б из пышных хором.

Ах, зачем так глядишь? И молчишь, и оплаты не хочешь...
Велика моя Русь – то деревня, то лес, то погост...
У Алёши глаза – глубже тёмной украинской ночи,
Той, в которой не счесть долгих песен протяжных и звёзд.

Бабы – дуры в любви. И царицы влюблённые – дуры.
Пусть судачит весь двор, всё равно – забираю с собой!
Весь оркестр тебе – балалайки, свирели, бандуры...
Только пой мне всегда, ненаглядный, Алёшенька, пой.

Знаю, сердце твоё никогда не прельстится короной,
Только песне всегда верен нежный, восторженный Лель.
Будь отрадой души и от чёрной тоски обороной!
(Дуракам не понять, вот и брешут они про постель).

Вечер кутает степь в серебристо-туманную дымку,
Ясный месяц рога показал из-за облачных штор.
А на тёплом стогу – Украина с Россией в обнимку,
И над ними лишь свет да небес безграничный простор.

Ни за что не скажу, где внутри притаилась тревога,
Мне – тебя целовать, не печалю отчаяньем дней.
Пой, Алёшенька, пой. Будет долгою наша дорога.
И по ней до конца светлым Лелем пройти ты сумеи.

Века два пролетит, будет внукам уже не до свету –
Не кохать мне тебя, не лежать на подушке одной...
Жду тебя к Покрову. Обнимаю. Твоя Лизавета.
О печальном – потом. А сейчас – пой, Алёшенька, пой!

САША

Александрю Матросову посвящается

Он рос, как другие мальчишки в округе,
И в небо любил запускать голубей.
О море он грезил, о ласковом юге,
Где чайки и мачты больших кораблей!

Матроску носил он, соленые дали
Манили простором и силой волны.
Вот только прогонят фашиста вначале
Мальчишки, солдаты той страшной войны.

О море не знала деревня Чернушки,
Где враг лютым зверем залег на холме,
Но чуял он, чуял, что эти мальчишки
Не мускулом, духом сильнее вдвойне,

Тем шагом отчаянным точным и смелым,
Когда не жалеют за други себя,
И пули не страшно, так Саша и сделал:
Собою других заслонил от огня!

И было так надо для общего дела,
Чтоб вырвать у смерти хоть пару минут!
О Саше напишут, о юном, о смелом
И песни о нём непременно споют!

Наверно, не зря его звали Матросов,
О море соленом он с детства мечтал.
И ждёт его море, и пенятся плёсы,
И волны взбегают на тихий причал!

ПОБЕДНОЕ

Победная весна, победные знамёна,
О сколько позади и горя и потерь!
Товарищи, друзья, вас вспомним поимённо,
Вот только бы дожить, особенно теперь!

Особенно теперь, когда шипя в бессилье,
Сдыхает страшный зверь по имени Война!
А где-то вдалеке распахивает крылья
Такая долгожданная, желанная весна!

В прицеле виден фриц растерянный , небритый.
Во вражеских глазах – отчаянье и смерть!
Но памятью всех тех, кто до меня убиты,
Я не имею прав его теперь жалеть!

Нет, не собьётся пульс, я руку не отдёрну.
И пуля просвистит, безжалостно казня!
Немецкая земля сейчас , наверно, вздрогнет –
Ещё один убит, что б жить остался я!

Чтоб жить остался тот, который рядом, справа,
Чтоб жить остался тот, кто слева от меня!
Не нужно нам потом ни почестей , ни славы,
Дойти бы, дотерпеть до завтрашнего дня!

С победой на штыках – и яростно, и дерзко!
Да будет с нами жизнь, когда горит земля!
А где-то свет в окне , в оборках занавеска,
И мама крестит лоб, и ждёт , и ждёт меня...

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Был город согрет самой теплой заботой.
Звучал голосов перебой,
Когда в нем Володя, Татьяна и Котов¹
Повсюду встречались с тобой.

Сегодня мы здесь, ну а завтра мы где-то,
На миг, или на пол часа...
И пахнет цветами осеннее лето,
Когда в нем друзей голоса.

Уносит Пскова свои резвые воды,
В ней жизни звучит непокой...
И только Володя, Татьяна и Котов
Плывут над остывшей землей...

* * *

Осенний ветер веткой пробует,
Чуть подсолив в окошке, тишь...
Во мне нет ничего особого.
В тебе нет ничего особого.
Но я грущу. И ты грустишь.
И «веют древними поверьями»
Опять «упругие шелка»,
И «шляпа с траурными перьями»,
И нос повис до потолка.
И «тайной близостью окованный»
Грустит вселенной потолок.
И снова «Берег очарованный...»
Спасибо, Блок. Спасибо, Блок!

---

¹ Поэты Владимир Савинов, Татьяна Гореликова, Вадим Котов *прим. редактора)

ТЕЛЕЖЕЧКА

Н.Т.

Мы прокатили медленно телегу наших зим,
И прикатили к озеру, и здесь теперь сидим.
Но рыба здесь не ловится, кругом растет осот,
Погода не погодится и озеро цветет.
И что-то все не ладится, и что-то все не так,
А каждый – хоть немножечко, хоть чуточку рыбак.
В ведре, споткнувшись сослепу – качнется глубина...
Мы вычерпаем озеро до самого до дна,
И мы дворец здесь выстроим, и розы разведем,
И, наконец, по доброму, с тобою заживем...

Но – сломана тележечка и полетела ось,
А сквозь ведро пробитое мы видим мир насквозь,
А в нем – другие дальники, другие имена,
И ломаной тележечке сегодня грош цена.

А мы – наденем лучшие наряды прежних лет,
И купим в свое прошлое непроданный билет!
Где замки не построены и замки не нужны!
Где мы так расточительно правдивы и нежны.
Где будет все по новому, и будет все не так!
Где музыка готовая взлетает на чердак,
Локтями в тесной комнате толкаются друзья...
Где будет все, что, кажется, теперь уже нельзя.

Лети, моя тележечка, лети сквозь мрак и зной,
Пусть каждый друг мой встреченный останется со мной,
Друг другом мы залечены, шагаем налегке –
Мы все ремни заплечные, все в чем-то рюкзаке!

* * *

По улице, по улице устало...
Уже декабрь, а снега нет в помине,
нет снега, только ветер синий-синий,
и листьев желтых мало, очень мало.

Подвластные судьбе, дождю и снегу,
на вымерзших ветвях поодиночке
те листья, чья душа уйти не хочет
в последний путь отмеренного века.

По городу, по городу, по Пскову,
старинному и мудрому «до кости»,
бездомный Мастер собирает гвозди,
опавшие с распятия Христова...

* * *

Ветер гонит снежинки по кругу,
Рвёт бумажные листья с берёз.
Мы не так далеко друг от друга –
Шесть часов перестука колёс.

Строчки писем – вчерашнее лето –
Удивлённо кружат надо мной –
Это осень порвала конверты
И развеяла по мостовой.

Нас с тобою сближает разлука,
Неотправленных писем вопрос...
Мы не так далеко друг от друга –
Шесть часов перестука колёс.

Почему бы письмом не растаять,
Наша дружба – потёртый пятак,
Мы её раздавали на память
И своим и чужим просто так.

Где-то в центре осеннего круга
Задымим огоньки папирос...
Мы не так далеко друг от друга –
Шесть часов перестука колёс.

КОТЫ

Там, где хрущёвки, сплетясь в лабиринты,
Светятся каждым окном,
Стадные перевозмогая инстинкты,
Люди нашли свой дом.

Спрятавшись между бетонных блоков,
Дверь заперев на засов,
Поняли люди, что им одиноко,
И завели котов.

Быстро суббота сменяет субботу,
Правила жизни просты:
Люди уходят с утра на работу,
Дома их ждут коты.

Даже не важно, что там снаружи.
Всё обращается в дым,
Если коту ты по-прежнему нужен,
Если котом любим.

Дома семья соберётся в праздник,
Скажем там, в Новый год,
А под ногами пушистый проказник,
Сердце кота поёт.

Пусть эту песню исполнят в хоре,
Слова её хороши!
А Вы бы сыграли вальсы в мажоре
На струнах кошачьей души?

УРОДЫ

есть люди как люди
есть люди – уроды
и в снег, и в жару
и в любую погоду

в подъезде, в автобусе
в море, на суше
уроды не внешне –
уродливы души

ты видишь закат
слышишь возгласы чаек
уроды красивое
не замечают

уродам красивое
даже противно
они ненавидят
его инстинктивно

ты можешь быть добрым
отзывчивым, лучшим
мир новый построишь –
уроды разрушат

святое закрасят
чернилами густо
а есть ли душа?
или там у них пусто?

КАРФАГЕН И ТРОЯ

При всём при том, что Карфаген разрушен,
И Троя стёрта в прах с лица земли,
Истории итог уныло скушен.
Погасли медных пушек фитили,
Оставив ядра в глубине каналов.
Цена всему копейка номиналом,
Всего копейка, брошенная в пыль.
Небесный счетовод возьмёт без сдачи,
Большим подбросит пальцем наудачу,
Любую сказку превращая в быль.
И Карфаген, и Троя суть руины,
Как неизбежность финишной черты,
Перенесёт художник на картины,
А любоваться ими будешь ты.
Ты будешь слепо верить первым встречным,
Несущим книжный рай в мешке заплечном,
Пергамента усохшего листы.
А города, построенные после,
Париж, Москву, Калькутту или Осло,
Когда-нибудь в сердцах разрушишь ты!

ПО ДОРОГЕ НА ВОКЗАЛ

Кидалась позёмка под ноги,
Лица не спасал воротник.
С проторенной сбившись дороги,
У вас на крылечке возник.
Вы, видимо, что-то варили,
Распаренным было лицо,
Когда вы мне дверь открыли.
Потом, угостив холодцом,
Борщом и домашнею водкой,
Спросили:
– Ведь вам на вокзал?
Прошлись, изумляя походкой.
– На поезд, – я тихо сказал.

А в мягком купейном вагоне,
Стаканами тихо звеня,
Я понял, в том маленьком доме
Всю жизнь ожидали меня.

ДВА МОСТА

Февраль, как маг, хранит свои секреты,
Но март откроет их, в конце концов.
В Твери не стало русского поэта,
А все кричат: «В Москве убит Немцов!»
Мост завалили свежими цветами,
Он на плечах держал людей толпу,
Готовых врукопашную с ментами
И протоптать к Кремлю войны тропу.
А на мосту у «вшивого барака»,
На самой на окраине Твери,
Над мёртвым телом плакала собака,
И доктор «скорой помощи» курил.
Проходит всё, пройдёт и канет в лету,
Закон случайных совпадений прост.
Вы назовите именем поэта
У «вшивого барака» старый мост.

СТРАХ

Ощетинилась сталь.
По земле ходят люди-мишени.
Мир болеет – он болен
вечным страхом
и вечной враждой.
Я родился, я стал,
но кому-то пошиты шинели.
Я учу алфавит
по названиям войн.

ХАТЫНЬ

Не в церковном поминовении –
Здесь у скорбной молчат стены.
Смерти, смерти перечисление –
Страшный список былой войны
Для живых в мёртвом камне высечен,
На кремешные метры вдоль
Безымянные тысячи, тысячи –
Жизни, множенные на ноль.

И не выдохнуть – колокол, колокол.
Закипает по жилам стынь.
Под тяжёлым бетонным пологом
Посемейно лежит Хатынь.
На холодные трубы наколото,
Небо сгорбилось у дверей.
За калиткою колокол, колокол –
Плачет кладбище деревень.

И мерещатся тени прошлого:
Бродит мальчик седой как лунь.
Осыпается серым крошевом
Одуванчиковый июнь.
В мирном мареве переломана,
Изувечена тишина.
В синий колокол эхо молотом –
Непрощаемая война.

ДОМ

Дом старуху любил.
Для неё мужиком её сложенный,
Согревал домочадцев,
Никогда бы не предал своих.
Он бы радостно жил,
Да хозяйка совсем обезножела.
Дом поник и затих...
Неуютно, неладно затих.

Мзду не брал за постой
И гордился своими устоями.
Многодетный и шумный
В суете нескончаемых дел,
Дом, ещё не пустой,
Обречённо утёрся обоями –
Ничего не забыл
И о близких, как прежде, радел.

На прощальный ремонт
Не одно собралось поколение.
Заглянувшие в детство
Разговоры ведут о былом.
Старый бабушкин дом
На семейном гостит воскресении.
Снова шутки и смех,
Но все знают, что будет потом.

14 ДЕКАБРЯ 1972, СЕНАТСКАЯ ПЛОЩАДЬ

И был парад в начале декабря.
Лед ладожский шел слитными рядами,
торжественно – неспешно, без оркестра.
Он шепотом шуги оповещал
о мертвой хватке близящейся стужи.

И гроздь горожан на парапетах
висели, словно заморожены
движением ледового удава,
влекомы ликованием и страхом,
как мошки керосиновой лампой,
как птицы к пасти замершей змеи.

ПЕРЕД НАБЕГОМ

*Заслуженному художнику РФ,
Леониду Феодору*

Утро, град удельный,
На валу дружина,
Под горою ели
Князь стоит у тына
Слышен шум далеко
Там где шлях со степи.
Сотник щурит око,
Солнце встало, слепит.

– Вижу, копья длинны,
Тетиву на луках...
Налетят лавиной
Смерть грозит нам в муках.
Закружат вороны
Чёрной стаей вражьей...
Встанем в обороне,
Но скажи нам, княже,
Кто они, откуда?
Глянь, литвины с ними.
А вожак-то рудый,
Как твоя княгиня...
У твоей дружины
Тёмно-русый волос
Рослые мужчины
Меч, расшитый пояс.
Ты ж черняв для росса,
Кряжист и сутулый,
И глаза раскосы.
И широки скулы.
К нам такие едут,
И желают дани.
Кто же брат, кто недруг
Как понять, хозяин?

– Прадеды варяги
Бабка половчанка...
Спас у нас на стяге
А не хвост-мочалка.
Наши стрелы метки
Все умеем биться
Разны наши предки
Не похожи лица
Служба-не галера
Нет у князя плети
Есть за нами вера,
Жёны, сёстры, дети.

СОЛДАТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Что лежит в основании наших побед?
Не найти, хоть копай до конца,
Ни парадного блеска златых эполет,
Ни великих стратегов лица.
Там лежит убиенный российский мужик.
Он пошёл, раз призвали верхи,
Оторвав беспардонно от кисти, от книг,
От станка, верстака, от сохи.
Он и дальше бы шёл, если б встать только мог,
За Отечество, веру, царя,
Но лежат его кости на гатях дорог,
Его плоть – на сражений полях.

ГЛЕБ ТРАВИН (ПСКОВ)

90-летию велопробега по границам СССР

У России есть герои,
Не слышал о ком народ,
Кто метро в деревне роет,
Кто немислимый поход.

Аж вокруг страны Советов
Не боялся совершить,
Хоть никто не звал на это,
И не стал благодарить.

Широка страна родная
От Камчатки до Карпат.
Не на миг не умолкая
Реки бурные шумят,

Ветры странствуют степями,
Звери бегают в лесах.
У него седло на раме,
Два железных колеса.

Руль в руках, а в сумке «Лейка»
«Регистратор», карандаш.
Прошуршит песками змейка.
Здесь пустыня, а не пляж.

Ни краюхи лишней хлеба,
Ни тушенки, ни вина.
Есть лишь только цель у Глеба,
Только цель, всего одна.

Колесо уходит юзом
То под снег, а то под лёд
Налегке вокруг Союза
Продолжается поход.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ветеранам Великой Отечественной посвящается

Солдат, спасибо за Победу!
Спасибо павшим и живым
За нашу мирную беседу
Под небом сизо-голубым.

Война ворвалась на рассвете,
Страна досматривала сны.
И первыми проснулись дети,
И повзрослели вдруг они.

Она бомбила и взрывала,
А жизнь людей не рыхлый лёд.
Война их просто убивала
И возраст здесь не шёл в расчёт.

Четыре года дым и пламя!
Четыре года – жизнь без сна!
Четыре года наше знамя
Жило на линии огня.

И вот свершилось: над Рейстагом
Оно победно вознеслось.
И став войны последним шагом,
В сердцах навечно запеклось.

Солдатов бывших не бывает.
И знает каждый ветеран:
Победу кровью добывают,
а ордена не печат ран.

БЛАГОВЕСТ

У далёкой, китайской границы,
Где могучие кедры растут,
Русской девушке что-то не спиться...
Звёзды вышли, а сны не идут.

Словно слышится звон колокольный,
Сердцу видится церковь и Спас.
Тихо шествует ход богомольный
И поёт: «Спаси, Господи нас».

Засветились в сердечке зарницы,
Богородица смотрит тепло.
И у самой китайской границы
Русской девушке стало светло.

Ей не спится. Ей видятся явно
Богомольцы, иконы, кресты...
А в душе благодатно и славно
От такой неземной красоты.

БЕЗВРЕМЬЕ

Ниспал, проклятьем заклеянный,
Лукавый дух на Петербург
И город, бесом обольщённый,
Предал царя и божьих слуг.

Разрушил храмы, сжёг иконы,
Умы в безбожье погрузил
И ввёл лукавые законы
С клеймом бесовских, тёмных сил.

Самоубийственная злоба
Вооружила всех на всех,
И в моду вновь вошла «свобода»
На ненасытный блудный грех.

Казалось, голод и разруха
Добьют несчастных горожан,
Презревших дар Святаго Духа
И ставших вроде каторжан.

Ведь Божий глас, в сердцах звучавший,
Народ сивухой заглушил,
И город стал как труп смердящий,
лишённый всех духовных сил.

Разверзлось небо Божим гневом,
Но грешники, утратив ум,
Святым грозили револьвером,
Крича «Дай денег, толстосум!».

И, прикрываясь, людоедством,
Вели монахов на расстрел,
Считая пулю лучшим средством
Для всех своих безбожных дел.

И, совершая святотатство,
Под Божий меч легли толпой
За богоборческое братство,
Коварство, злобу и разбой.

Приняв мученье, как спасенье,
Отвергнув весь бесовский хлам,
Народ воскрес и в воскресенье
В сердцах воздвигнул Божий храм.

Лишь за любовь и покаянье
Господь помиловал народ –
Вновь даровал богопознание
В премного согрешивший род.

И вновь вернулся император,
Но не царём, а страстотерпцем,
Чтоб вор, иуда и диктатор
Не завладел народным сердцем.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

За «Крестами» кресты. Мы идём по этапу.
Что нас ждёт впереди, мой товарищ и брат?
Кто из нас попадёт в деревянную «хату»,
Отойдя навсегда от земной суеты?

Вперемешку бредут и купцы, и крестьяне,
Комиссары, священники и мытари.
О грехах сожалеют, молясь, христиане,
Горько плачут безбожники и бунтари.

Позади развевается красное знамя,
Духовые оркестры зывают на бой,
Пожирает иконы кровавое пламя,
И рулит веельзевул ослеплённой толпой.

Кто-то машет киркой, кто-то в карты играет
И жирует, как клоп, на рабочей крови.
В кабаке закопчённая лампа мерцает,
И гармошка поёт о последней любви.

И туманен весь путь и конца мы не знаем.
Знает всё наш конвой до ближайшей тюрьмы,
Где нас встретят собаки неистовым лаем,
Потому-то угрюмы и сумрачны мы.

Мы бредём среди тьмы, безрассудства, безбожья,
И тревожную смуту в душе не унять.
Неужели конец?! Нет, среди бездорожья
Наш конвойный хрипит: «Не стоять, не стоять!».

И несём мы кресты покаянья,
Сожалея о всех грехах.
И меняется наше сознание,
Вновь молитва в наших сердцах.

Но нам не уйти от конвоя –
Пуля летит налегке.
Лишь трое ушли от собачьего воя
И к Богу пришли на последнем рывке.

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Времена далёкие, старина седая...
Ярославна плакала, князя провожая:
«Мой милый, любимый, родной мой,
От вражьей стрелы и копья
Пусть будет незримой бронёю
Любовь и надежда моя...»

Снова лихолетье обожгло страну,
Собирала россиянка мужа на войну:
«Мой милый, любимый, родной мой,
Пред грозным врагом не склонись.
И чтоб не случилось с тобою,
Я жду. Ты ко мне вернись...»

Такая уж, видно, доля у моей земли,
Скрылся скорый поезд в сумрачной дали.
«Мой милый, любимый, родной мой,
Мне снятся тревожные сны,» –
Комбат прочтёт перед боем
В ущелье мятежной Чечни...

Славянские верные жены!
Сквозь горьких столетий тьму
Душу рвёт неуклонно:
«Господи! Почему?...»

Анна ТИХОНОВА
г. Санкт-Петербург

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Когда и смутно, и безвременно,
Песком, смолой бурлит река,
Поможет кто скобскому племени?
Благословенная рука.

«Жена от Пскова» вновь заступится,
И Невский приведёт полки.
Довмонт, опять у нас распутица,
Свой город, княже, береги.

Веками полк всё прибавляется,
Не только Псков он бережёт:
Покровом дальше расстилается,
Над Русью облаком плывёт.

*55-летию музея-заповедника
«Изборск»*

СТИХИ ОБ ИЗБОРСКЕ

ИЗБОРСК

И быстрые, и медленные воды,
на городище – ветер и простор,
и ясные прощальные погоды,
и августа рябиновый убор,

и робкое дыхание Успенья...
Три Спаса, отзвонившие зарю.
Пусть будет всё по Твоему хотенью,
я медленно и тихо говорю.

Купель охватит обжигом студёным!
Сгорят грехи, и, в дар от этих мест,
Блеснёт на солнце алый листик клёна –
Родной земли живой нательный крест.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Так ясно на душе – все шелесты слышны,
Легко плывут в зарю предутренние сны,
Вздыхают глубоко дремучие леса,
И шепчет о любви на ландышах роса.

Гладь озера тиха, не тронута веслом,
Спят лебеди-птенцы у мамы под крылом.
В долине разлилось тумана молоко,
А крепость вся в огне, и словно бы рукой

Ласкают известняк рассветные лучи.
О днях былых поют Словенские ключи,

ЖУРАВЛИНАЯ ГОРА

Гордо высится над равниной
Верный камень русской земли:
Белый град на горе Журавлиной,
Что осадю взять не смогли
Ни ливонцы, ни немцы, ни шведы.
Захлебнулся вражий напор,
И оплотом русской победы
С давних пор считают Изборск.
Поднимая знамя свободы,
Не сдавался он никому,
Пережив предательства годы,
Голода, войну и чуму.
Непреложно священное знанье
Прежних войн и ушедших лет,
Что легло в Руси основанье
И оставило вечный след.
Под изборской белой твердыней,
Как виденье забытых дней,
Та гора, что пахнет полынью,
И живая вода ключей.

ИЗБОРСК

Изборск, Изборск! Тебя избрали
Стоять на страже рубежей.
Ты избран! И в родные дали
Глядишь который век уже,
Прислушиваясь камнем каждым,
Не подойдет ли к стенам враг.
И если тот придет однажды,
Взметнется ввысь сигнальный флаг
Над самой гордой грозной башней!..

...Изборск, я за тебя молюсь:
Пока стоят Изборски наши,
Спокойна будь, святая Русь!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я не помню, когда умру, –
Так Матвеева¹ ляжет тень.
Но сюда я вернусь к утру
На какой-нибудь третий день.

Голос мой будет тих и слаб,
Но силён и объятен дух.
Я Никольский теперь захаб
Без знаменья не пройду.

Я до Луковки – вдоль небес –
Оглянусь. И с восторгом – ишь,
Как высок над Собором крест,
Как мудра над Изборском тишь!

Как широк и цветаст простор,
Точно свет у Христова дня.
Славенецкое поле – взор –
Не отпустит назад меня.

А вдали, не отдав ни пядь,
Под крестами могучим сном
Спит навеки святая рать
Упокоясь в краю родном.

И как будто бы Русь Сия² –
Не отсюда ли есть-пошла?
Матерь Божья, храни, снуя,
Эту землю от бед и зла.

---

¹ Раньше люди всё по правде помнили, что откуда и сколько жить осталось. До случая малого. Однажды глупый Матвей, мужичонка изборский, изгородь из соломы за три дня до смерти своей ставить начал. Час свой знает, а в Собор не идет. Суету наводит. Крепко удивился на Матвея Спаситель и дал нам – что мы не помним, когда помрём. (прим. автора)

² Русь Сия – Это Русь (прим. автора)

...Я не помню, когда умру.
Но лишь только взметнётся тень,
Я вернусь, мой Изборск, к утру
Под твою вековую сень.

Точно будет июль, поверь, –
В нём стихи, как ключи, звенят.
И от веку до нас теперь –
Всю Россию – да исцелят!

* * *

*«Я для тебя в лохмотьях красоты
На дудочке поэзии играю»
В. Шемшученко*

На исходе июля коралловой стала Луна.
На Олимпе созвали симпозиум высшие боги.
Там со склонов текла водопадом живая волна,
Там белели лебяжие крылья и камни дороги.

Хохотушки-дриады резвились в тенистом саду,
Звуки струн извлекали смешные и страшные фавны,
Там Гермес продавал десять царств за чужую вражду,
И стоял Прометей у скалы, грузной цепью придавлен.

Но явился Орфей, и замолк громогласный Арес –
На Олимпе так мало божественных чистых феерий.
И, тряхнув головой седовласою, царственный Зевс
По ступеням сошел и заслушался песней Орфея.

Изборск, фестиваль «Словенское поле – 2018»

ИЗБОРСК. СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ, 2012

Листок одинокий
В мелькании света
Взмыл тенью неброской,
Как нежные строки
Российских поэтов,
Под небо Изборска.

Душа улыбнулась
Далёким просторам,
Гуляя на воле...
Родная Культура –
Для русского слова:
«Словенское поле».

СЛОВЕНСКИЕ КЛЮЧИ

Вот от они – словенские ключи.
Серебром дарованного чуда,
Я невзгоды всякий раз лечил,
Возвращаясь к ним из ниоткуда.

После, уезжая в никуда,
Вспоминал серебряные струи...
Скажите: «Вода и есть вода!»
Не спешите вывод делать в суе.

По крутой тропе спуститесь к ним,
Оставляя крепость за плечами.
Чайка крикнет: «Тот судьбой храним,
Кто умыт словенскими ключами!»

В ИЗБОРСКЕ

Взойдя на изборские кручи
Славянами стали, и тучи
Рассеялись. С радугой, с песней –
Нет в мире пейзажа чудесней.

Красоты России – без края,
Встречаем в цветении мая,
Легенды пропели ключи,
Дружин засверкали мечи...

В крестах отразился их свет
На сотни, на тысячи лет...

КЛЮЧИ ОТ ГОРОДА ИЗБОРСКА¹

знаешь мертвые не расскажут
а живые бы не хотели
как над озером этим темным
тень за тенью тянулись тени
как той ночью князек из пскова
сдал нас чохом врагу на смолке
тень за тенью тянулись тени
и страдали мы втихомолку
как под вечер с большой добычей
уезжали враги в оденпе
как прощенья просил набычась
ярослав а на ихнем герпольт
как потом под родные стены
вновь пришел с иноземной ратью
как тянулись за тенью тени
как сжимала нас смерть в объятых
как секли нас огнем и сталью
как из сотен осталась горстка
как врагу мы ключи отдали
от ворот своего изборска

---

¹ *Вольная интерпритация событий 16 сентября 1240 года. (прим. редактора)*

В ПОЛЕ ОДИН

*Поклонились все люди Илье до самой земли:
– Спас ты нас, Илья Муромец, от смерти лютой.
Былина про Илью Муромца*

Камни. Камни. Камни сложили дорогу,
Стен сложили кольчугу. Надёжный заслон.
Воин в поле один. Не позвать на подмогу.
Но за судьбы земли отвечает лишь он.

Камни. Камни. Камни. В смертельном азарте
Кто с мечом к нам придёт – о пощаде потом не проси.
Крепость каменной тяжестью встала на карте,
Несдвигаемой сделав границу Руси.

Камни. Камни. Камни гудят языками
Иноземных врагов, надвигавших полки.
Время камни сжимает стальными руками,
И струятся сквозь пальцы его родники.

Камни. Камни. Камни. Руины легенды.
Плиты древних надгробий да Труворов крест...
Лёг орнамент на озера синие ленты –
Строчкой белые лебеди, белые платья невест.

СТАРЫЙ ИЗБОРСК

Новый город растет в долине,
Собирая славян окрест.
Поднимается тын жердинный.
Охраняют ворота въезд.

Ближе к ночи купальский месяц
Собирает девчонок-пряк
Плесть веночки, и ленты вешать
На дубы в полевых колках¹.

Как спадает с небес Денница
(Сын зари) – так на холм отлог
Класть поклоны траву–былицу²
Гонит к Велесу ветерок.

В день Снопа³ над рекою хмуро
Топора раздается звук.
Пристань строится. Едет Трувор –
Гостомысла варяжский внук.

Год проходит. Вдова варяга
Жать выходит одна за тракт.
Причитанье несется сагой.
Грустно гусли играют в такт.

Да ответом на вдовьи стоны
Белостенный красавец Псков –
Словно парус ладьи огромной,
Выплывает из облаков.

---

¹ Колók м. – отдельная рощица, лесок или лесной остров (прим. автора)

² Былiца – стебелек, травинка (прим. автора)

³ День Снопа Велеса – 12 июля (прим. автора)

Путь торговый шумит столетья.
Древний мир остается в нем.
Под землею находят дети
Камни, выжженные огнем.

Спят в языческих сопках предки.
Но их голосом говорят
Крест Поклонный, дорог разметки.
В лебединых крылах закат.

ИЗБОРСК

Изборск – град избранный, древняя земля.
Всегда здесь миром правили русские князья.
Один из них был славный брат Рюрика – Трувор.
Его и городище мы помним до сих пор.

Труворова могила памятник о том,
Как внуки Гостомысла на зов пришли втроём.
И эти трое витязей, защитников земли,
Отбить атаки ворогов мечом своим смогли.

Но град Изборск известен ещё до тех князей.
И может нам поведать о древности своей.
Давно славяне-кривичи воздвигли крепость-град.
А охранять пределы Избор привёл отряд.

Был грозным, смелым воином Избор – Вандала сын,
И правил русским городом он до своих седин.
Да мудростью прославился, вёл справедливо суд,
Поэтому славяне и град так назовут.

Так до сих пор зовётся Изборском городок.
О русском князе память народ навек сберёт.
И здесь с крутого склона Словенские ключи
Журчат – о предках песню спой, русич, не молчи.

СКРЕПЫ СТАРОГО ИЗБОРСКА

Город – храм земли плесковской,
Древо Честного Креста –
скрепы Старого Изборска,
славы, подвигов места!

Русь! Отечества границы!
высоки хребты валов,
к толще стен, не подступиться,
не пройти глубокий ров.

Всех фронтов передовая,
на слуху и на виду!
князь, дружина удалая
отведут рукой беду.

Доблесть воина от рода,
от Творца державный свод,
дух могучего народа –
героический оплот!

Споры с «Городом железным»,
пыл атаки ни к чему!
Мир да лад куда полезней,
да соседство по уму.

Лира – ключик от Изборска,
незабвенный круг друзей,
Фестивальные подмости,
песни Родины моей!

На Словенском поле встречи!
и столиц, и сел поклон!
Велика Россия! вечна!
легендарна испокон!

ИЗБОРСКАЯ КРЕПОСТЬ

Здесь простор несказанный,
И под небом холстинным
На холмах перевозданных
Стены башен старинных.

Та зовется Талавской,
А Рябиновкой эта,
То с угрозой, то с лаской
Их касаются ветры,

Чтоб на ушко поведать
Башням Вышке и Плоской,
Не грядут ли с набегом
К нам незваные гости.

Встанет Луковка грудью,
Колокольная крикнет:
«Поднимайтесь-ка, люди,
Да на стены бегите!»

Ощетинятся башни,
Ведь закон их суров:
«Так стоять!» И бесстрашно
Встретят грозных врагов,

Чтоб увидели крепость
У Словенских ключей
В зачарованном свете
Древнерусских мечей...

Здесь простор несказанный,
И под небом холстинным
На холмах перевозданных
Оживают былины.

СНЫ ОБ ИЗБОРСКЕ

Башню Луковку я вижу...
На Рябиновке – бойницы...
Кремль во сне гораздо ближе!
Вдруг Темнушка мне приснится?
И Талавская с Плоскушей,
да и Вышка с Колокольной...
Явь ту сказку не разрушит –
отзовется песней вольной...
Вижу воинов-героев
рядышком... Святые лики...
Память славой здесь укроет
камень каждый, Град Великий...

Бродит Трувор одинокий,
город свой он тщетно ищет...
У Журавьей склон высокий...
Где же град...? Селога пишет
князю первому посланье:
«Трувор! Вверх гляди – на стены!
Кремль века хранит название
– «Град Изборск» – оно нетленно...
Неприступно град держался!»

Песнь поёт над ними ветер:
«Помнит Русь как он сражался...
Град Изборск... Он есть на свете!»
Высится гора Журавья,
гордо кремль глядит в просторы,
в небеса... Вовеки слава
Русь мою... Поля, озёра,
реки, берега, деревья
песню гордую приемлют,
вторят облаков кочевья:
«Возлюби родную землю...»

ПОСЛЕ ФЕСТИВАЛЯ «СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ» В ИЗБОРСКЕ

Абсолютный покой сохраняет стрела,
устремленная к цели.

Пустяки вроде времени или пространства
ее не волнуют.

И не дрогнет в полете
колющий стальной наконечник,
поражая без промаха
самое сердце мишени.

Абсолютный покой сохраняет бунтарь,
поднимаясь на плаху,
видя верный конец,
он нимало его не страшится.

За последним мгновением
он прозревает свободу.

К ней отчаянно рвется
его истомленное сердце.

Абсолютный покой сохраняет ледник,
непрестанно меняясь –
величаво сползая по склону горы,
покрываясь снегами,
оседая под солнцем
и бурные реки питая,
сознавая свою неизменную суть –
пребывая водою.

Абсолютный покой –
это радостный способ общения с миром.

Здесь находится целостность,
здесь обитает блаженство.

Ты, личины меняющий, скованный телом,
послушай:

что мешает тебе пребывать
абсолютным покоем?

ЛЕБЕДИ НА ГОРОДИЩЕНСКОМ ОЗЕРЕ

Вились ключи, вились Словенские
И каждый был – веретено.
Как кружевными занавесками
Сплетались струи нитяно.

Светлело. Ночью подморозило.
Но потеплело, рассвело.
Вон Городищенское озеро,
Некалыханно, как стекло.

И шла я через утро тихое
Рассветных кратких полчаса.
Вдруг зазвучало что-то дикое,
Как будто бились паруса.

А может, грохотали лопасти:
Взлетал, как будто, вертолёт.
И разгонялось сердце к пропасти
Или готовилось в полёт.

И заходились зори алые,
Прялась ключей живая нить.
Но что за звуки небывалые,
Я не могла определить.

А это шли по небу лебеди.
Принадлежало небо им.
А солнца диск катился спереди,
Крылом подкинутый тугим.

И облака ложились ярусно.
И не стихал певучий гром.
То крылья грохотали парусно
В Изборском воздухе святом.

ИЗБОРСКИЙ ХОЛМ

Где ледник проутюжил покровы Печорской земли,
из камней допотопных под выклики «с Богом!» и «любю!»
над безвестной могилой соборно курган возвели
православные люди – предтечи Изборского клуба.

Посредине кургана поклонный поставили крест
из листвяжного бруса, вовек неподвластного гнили,
и живую землёй, принесённой из памятных мест,
валуны ледниковые кровно связали – сроднили.

От полярного дна до безводного моря Луны
и от Гроба Господня до братских могил под Смоленском
нет числа приношеньям с путей-перепутий страны,
будь то звёздный большак иль тропа на лугу деревенском.

Каждой ноши, согретой у сердца, хватило на пядь
этой каменной кладки – воистину малая горстка.
Но Курилы и Крым у России уже не отнять:
их частицы лежат на Священном холме у Изборска!

...У подножья кургана сегодня со мною друзья,
хоть не всех узнаю, ну а многим и сам я неведом,
но дорога сюда – это общая наша стезя,
где оставленный след помогает идущему следом.

Вот на холм поднялся богатырского склада поэт,
на Словенское поле он прибыл с предгорий Урала.
Как библейский пророк, пышногрив, бородат он и сед:
самолично судьба для него серебро собирала.

Головой в небеса, он стоит у незримых ворот
и беззвучно поёт, созывая нетленные тени.
Он сыпает с ладони крупницы уральских пород,
и ответно пустеют раскрытые длани видений.

И всё выше курган, и слышней седовласый рапсод.
Он уже стоязык и прославлен под ста именами...
Нам отмерен предел для вещественных нужд и высот.
Для духовных – пределом лишь горнее Царство над нами.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Вадим ТЕРЁХИН	
Провинция.....	4
Николай БЕСЕДИН	
«Я люблю ту великую, грешную...».....	8
Цветы на скале.....	8
Стояние на Угре.....	9
«Этот миг, этот сладостный миг...».....	9
«От любви милосердных подачек...».....	10
«Поверишь ли, опять шумят ветра...».....	10
«Деревня больна тишиной...».....	11
Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ	
Поле жизни моей.....	12
Рио-Рита.....	12
Мой Петербург.....	14
Игорь ТЮЛЕНЕВ	
Беседка Барятинского в Гунибе 1859г.....	15
Пермские боги.....	16
Когда мы возвратимся в Крым.....	17
Анатолий АЛЕКСАНДРОВ	
«Ближнюю границу заняли враги...».....	18
Людмила ТИШАЕВА	
Забытый подвиг.....	19
Игорь ИСАЕВЪ	
Встреча в Михайловском.....	20
«Слезы были напрасно пролиты...».....	21
Андрей БЕНИАМИНОВ	
«Молотом по наковальне...».....	22
Я ушёл.....	23
Юрий ИВАНОВ-СКОБАРЬ	
Опавшие литься эпохи.....	24
«Я подвержен обычным порокам...»:.....	25
Галина ЩЕРБОВА	
Время молиться.....	26
Из зала страшного суда.....	26
Поэтический фестиваль.....	27

ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ	
Нищие.....	28
Россия, Русь.....	29
Провод.....	29
АНАТОЛИЙ ВЕРШИНСКИЙ	
В ожидании героя.....	30
Родовая память.....	31
Мемориал Крымской войны в Лондоне.....	32
ЛЕРА КОЛДУНА	
«На Берлин!».....	33
СОФЬЯ ШВЕЦ	
Отречение.....	34
1937.....	34
Далекий октябрь.....	35
ЕЛЕНА ФИЛИППОВА	
12 пехотная.....	36
Ворксла.....	36
Катынский лес.....	37
МАРИЯ ПАРАМОНОВА	
Виршеловка.....	38
Старица дремлет.....	39
Дом у реки.....	40
АЛЕКСАНДР «САНДЕР`S» ВОЛЯЕВ	
Баба Зина.....	41
Деревня родная.....	42
АРТУР ГАЙДУК	
«Неровной строчкой начертай...».....	44
Моисей.....	44
БОРИС ЗВЕРЕВ	
Сокровища мои.....	46
Христово Воскресенье.....	46
Боже, вразуми.....	47
НАДЕЖДА КАМЯНЧУК	
Хозяюшка.....	48
На балу.....	49
«Когда-нибудь закончится война...».....	50
ТАТЬЯНА БУРМИСТРОВА	
К человеку.....	51

Данил МОСКАЛЕНКО	
На счастье.....	52
Неприятелю.....	52
Истина.....	53
Александр СЕБЕЖАНИН	
Я вернулся.....	54
Михаил ФЕДОСОВ	
Казачи в Париже.....	55
Юлия ЛИНДЕ	
Сталинград.....	56
Андрей ТЕДДЕР	
«И без креста, как на кресте...».....	58
«Играй, горнист, пускай аляповаты...».....	58
«Сидим, пьём водку, думаем о Высшем...».....	59
Владимир КОРОЛЁВ	
Свечи на плотях.....	60
Вита ПШЕНИЧНАЯ	
Весеннее.....	61
Инеcса ФА	
«Добрый Ветрушка, славный Ветрушка...».....	62
Оберег.....	63
Лариса ЕГОРШИНА	
Судьбоносное виденье.....	64
Пустынька Никандрова.....	65
Город Гдов.....	66
Оксана СОСНИНА	
Белая перчатка.....	67
Царство Антихриста.....	68
«Скользющие строки».....	69
Сергей ГОРШКОВ	
Камень.....	70
Чудак.....	71
Ольга ВЕРШИННИНА	
В январе 1940-го.....	72
«Не гуляй в лесу за ручьём...».....	72
Сыновья белоглазой чуди.....	73

ГЕОРГИЙ РОМАНЮК	
Битва на Чудском.....	74
Убийство!.....	74
Гроза.....	75
ГАЛИНА СТРУЧАЛИНА	
ВДНХ.....	76
Портрету Ковалёвой-Жемчуговой.....	77
ВЛАДИМИР МИРОНОВ-КРЫМСКИЙ	
Грязь.....	78
<i>Быть пожилым ему не довелось.....</i>	79
ВЛАДИМИР ИВАНОВ	
За единую Русь.....	80
<i>«Русь моя привольная...».....</i>	81
ЛЮБОВЬ СЕРДЕЧНАЯ	
Я дождусь.....	82
Взрыв.....	83
СЕРГЕЙ ДЬЯКОВ	
Тригорское.....	84
Михайловское.....	85
Городище Воронич.....	86
ИРИНА ТОЛДОВА	
Соловушка.....	87
У памятника Александру Невскому в Петербурге.....	87
<i>«От старческих ворчанний толку мало...».....</i>	88
МАРИНА ЦАРЬ ВОЛКОВА	
<i>«Неспешно спускались ветра с Городища...».....</i>	89
Среди зелёных дней.....	90
Пастушок.....	91
НАТАЛЬЯ СТРАХОВА-ХЛУДОК	
Саша.....	92
Победное.....	93
НАТАЛЬЯ ЛАВРЕЦОВА	
Памяти друзей.....	94
<i>«Осенний ветер веткой пробует...».....</i>	94
Тележечка.....	95
ИГОРЬ ПЛОХОВ	
<i>«По улице, по улице устало...».....</i>	96
<i>«Ветер гонит снежинки по кругу...».....</i>	96

Диана КОНСТАНТИНОВА

Коты.....	98
Уроды.....	99

Николай РАССАДИН

Карфаген и Троя.....	100
По дороге на вокзал.....	100
Два моста.....	101

Елена ПАВЛИНОВА

Страх.....	102
Хатынь.....	102
Дом.....	103

Елена ГАЛАКТИОНОВА

Концерт в садике Фонтанного Дома.....	104
Революция. Фантазия.....	104
14 декабря 1972, Сенатская площадь.....	105

Вячеслав МИХАЙЛИН

Перед набегом.....	106
Солдат Первой мировой.....	107
Глеб Травин (Псков).....	108

Виктор ЗВЕРЕВ

День Победы.....	109
------------------	-----

Дмитрий КОРСУНСКИЙ

Благовест.....	110
Безвременье.....	110
Крестный путь.....	112

Светлана ДАНИЛОВА

Прощание славянки.....	113
------------------------	-----

Анна ТИХОНОВА

Бессмертный полк.....	114
-----------------------	-----

СТИХИ ОБ ИЗБОРСКЕ

Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ

Изборск.....	116
--------------	-----

Марина ЦАРЬ ВОЛКОВА

Летний день.....	117
------------------	-----

Ольга ВЕРШИННИНА

Журавлиная гора.....	118
----------------------	-----

Любовь СЕРДЕЧНАЯ Изборск.....	119
СВЕТЛАНА РАЗМЫСЛОВИЧ Возвращение.....	120
МАРИЯ ПАРАМОНОВА <i>На исходе июля коралловой стала Луна.</i>	122
Ирина ЯНЕНСОН Изборск. Словенское поле, 2012.....	123
Николай РАССАДИН Словенские ключи.....	124
Владимир ПАВЛОВ В Изборске.....	125
ЕЛЕНА ФИЛИППОВА ключи от города изборска.....	126
ГАЛИНА ЩЕРБОВА В поле один.....	127
Ольга КОРОЛЁВА Старый Изборск.....	128
Андрей АНТОНОВ Изборск.....	130
ЛАРИСА ЕГОРШИНА Скрепы Старого Изборска.....	131
СВЕТЛАНА ДАНИЛОВА Изборская крепость.....	132
Ирина АЛЕКСЕЕВА Сны об Изборске.....	133
ЕЛЕНА ГАЛАКТИОНОВА После фестиваля «Словенское поле» в Изборске.....	134 134
Юлия БОРИСОВА Лебеди на Городищенском озере.....	135
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ Изборский холм.....	136

<http://pskovpisatel.ru>

ISBN 978-5-94542-355-8

9 785945 423558 >

СЛОВЕНСКОЕ ПОЛЕ – 2019 **СТИХИ**

Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 9 п. л.

Заказ № 137. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готовой электронной версии
в ГППО «Псковская областная типография»
180004, г. Псков, ул. Ротная, 34